

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

П. РЕЙФМАН

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

ТАРТУ 1967

110860 Tagastage raamat õigeaegselt!
Возвратите книгу вовремя!

XV
1 А-5232

П. Рейфман

М.Е.САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

15.I.1826 - 28.IV.1889

(Творческий путь)

Тарту 1967

Пособие предназначено для студентов-заочников отделения русского языка и литературы. Автор его не ставит перед собой задачу дать всесторонний анализ творчества Шедрина в целом. Он останавливается лишь на основных этапах развития Шедрина и на самых значительных его произведениях, характерных для этих этапов. Прилагаемая библиография должна помочь познакомиться с творчеством великого сатирика более серьезно. Пособие может быть полезно и для учителей русской литературы, для школьников старших классов.

N

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
110860

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

Творчество Шедрина — один из важнейших этапов в развитии русской реалистической литературы второй половины XIX века. Оно неразрывно связано с лучшими традициями мировой (Свифт и др.) и русской сатиры, традициями Гоголя, переосмысленными и углубленными революционными демократами. В стихотворении Некрасова "Блажен незлобивый поэт", написанном в 1852 г., в связи со смертью Гоголя, творчество автора "Мертвых душ" истолковывается как свидетельство великой любви писателя к своей стране и народу, выраженной "враждебным словом отрицанья". Произведения Гоголя давали основание для подобного истолкования, но в то же время в этом истолковании сказывалось революционно-демократическое осмысление гоголевского наследия, новое, в высшей степени прогрессивное, понимание подлинного патриотизма. Такое понимание высказано и в статье Белинского "Стихотворения М.Лермонтова". Критик считает, что настоящий человек не может не любить родины, "только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования"

(В.Г.Белинский, Полн. собр.соч., т.IV, М.,1954, стр.489).

Так же истолковывает любовь к родине и Некрасов, говоря о Гоголе, который "любил <...> ненавидя", о поэтах, "чей благородный гений стал обличителем толпы, ее страстей и заблуждений". Так понимали патриотизм все писатели революционно-демократического лагеря. Творчество Шедрина является, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров подобного понимания.

Нередко противники сатирика и его мнимые "доброжелатели" писали о мизантропии Шедрина, о резкости его обличения, о

мрачности нарисованных им картин, искажающих якобы "правду жизни". Они обвиняли писателя в том, что он не любил своей страны, что Глупов и глуповцы для него символ России и русских. О подобных людях, которые "мертвыми дланями стучат в мертвые перси, которые суконным языком выкликают: "звон победы раздавайся!" и зияющими впадинами, вместо глаз, выглядывают окрест: кто не стучит в перси и не выкликает вместе с ними?", писал Шедрин в "Убежище Монрепо" (У, 69)^{I/}. Он возражал тем, кто "в скромных моих писаниях усматривают не только пагубный индиферантизм, но даже значительную долю злорадства, в смысле патриотизма. По совести объявляю, что это - самая наглая ложь" (У, 69). Писатель мечтает о счастье народа, об его благосостоянии, о том, чтобы русский крестьянин "ел добры щи и пиво пил" (У, 71). В решении этого вопроса он видит одну из основных проблем современности. Произведения Шедрина - суровая, бескомпромиссная сатира. Но в каждой их строчке звучит горячая, большая любовь. Так ненавидеть все, что мешает народному счастью, в том числе и определенные качества самого народа, можно лишь страстно любя. "Я люблю Россию до боли сердечной, - пишет Шедрин о себе, - <...> Хорошо там (т.е. за границей - П.Р.), а у нас... положим, у нас хоть и не так хорошо... но, представьте себе, все-таки выходит, что у нас лучше. Лучше, потому что больней. Это совсем особенная логика, но все-таки логика, и именно - логика любви" (У, 69). Эта логика "любви-боли" определяла путь писателя.

I/. В скобках, с указанием тома и страницы, будут даваться сноски на издание: Н.Шедрин, Избран.произв.в семи томах, М., 1939-1950.

Обобщающая сила щедринской сатиры огромна. Значение ее намного переросло те конкретные события и явления, с которыми эта сатира была связана. Не случайно А.М.Горький в период реакции, после поражения революции 1905 г., отмечая могучий талант Щедрина, его правдивость, удивительную широту его творческого размаха, чувство "почти пророческого предвиденья", писал о нем в "Истории русской литературы" (1908-9 гг.): "В наши дни Щедрин ожил весь, и нет почти ни одной его злой мысли, которая не могла бы найти оправдания в переживаемом моменте" (А.М.Горький, История русской литературы, М. 1939, стр.274).

НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ.

ПЕРВЫЕ ПОВЕСТИ.

Литературная деятельность Салтыкова началась во второй половине 1840-х гг. В 1844 г. он оканчивает Царско-сельский лицей. В те годы, когда в нем учился Салтыков, лицей утратил былые вольнолюбивые традиции пушкинских времен. Он превратился в привилегированное закрытое учебное заведение с мертвящей атмосферой, готовящее чиновников, открывающее пути к быстрой карьере. По окончании лицея, Салтыков, по воле родителей, поступает на службу в канцелярию военного министерства. Уже в это время он увлекается идеями Белинского, изучает наследие утопических социалистов. Воздействие Белинского определило формирование

мировоззрения Салтыкова, его взглядов на литературу. В 1845 г. Салтыков сближается с кружком Петрашевского, посещает "пятницы" - собрания участников этого кружка. Где-то на рубеже 1846 - 47 гг. Салтыков прекращает посещение "пятниц". Причины разрыва его с петрашевцами не совсем ясны. Но, видимо, Салтыкова раздражала левая прекраснодушная фраза, оторванная от реальной действительности, характерная для многих посетителей кружка. Уже в это время Салтыкову свойственна трезвость мысли, не позволяющая успокоиться на далеких от жизни, хотя и соблазнительных утопиях. Ироническое отношение к подобного рода утопиям отразилось в ранней повести Салтыкова "Запутанное дело", в образах Беобахтера и Звонского.

В ноябре 1847 г., под псевдонимом "М.Непанов", Салтыков публикует в "Отечественных записках" свою первую повесть "Противоречия". В марте 1848 г. в том же журнале напечатана его вторая повесть "Запутанное дело". "Противоречия" - произведение во многом незрелое и художественно несовершенное. Повесть растянута, в какой-то степени ученически-подражательна. Не случайно в письме Боткину от 4-8 ноября 1847 г. Белинский отзываясь о ней крайне резко (В.Г.Белинский, Полн. собр. соч., т.ХП, М. 1956, стр.421). Но, несмотря на недостатки, в "Противоречиях" было и много интересного. В повести затрагивались проблемы, которые ставились в наиболее значительных произведениях "натуральной школы" второй половины 1840-х гг., в романах "Кто виноват?" Герцена, "Бедные люди" Достоевского. Уже в подзаголовке

"Противоречий" ("Повесть из повседневной жизни"), в предисловии к повести будничная действительность, жизнь без прикрас, в которой люди "обходятся не только без шипучего, но и без обеда" (М.Е.Салтыков-Щедрин, Собр. соч., т.1, М., 1965, стр.71. В дальнейшем: Щедрин, 1965), противопоставлена трескучим эффектам, парадно приукрашенному изображению окружающего. Повесть построена в форме писем героя ее, Нагибина, к г. Н.Н. Эпиграфом к ним писатель ставит строки из стихотворения Лермонтова "Как часто пестрою толпою окружен": "И дерзко бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью!.." Как и Лермонтов, Салтыков хочет своей повестью "смутить веселье" сытых, довольных собой. В то же время в повести утверждается, что нужно не ругать действительность, не обращаться от нее к фантазиям, а объяснять ее. В подобной установке сказывается и критическое отношение писателя к современности, и его скептическая оценка оторванных от реальной почвы утопий, не ведущих ни к чему обличений, и стремление Салтыкова разобраться в действительных причинах, определяющих жизненное несовершенство, в том числе в причинах социальных, экономических. Не случайно писатель посвящает повесть В.А.Милютину - автору статей о пауперизме (обнищании рабочих), ставившему вопрос об экономической несостоятельности европейского буржуазного устройства. Салтыков к этому времени сближается с В.А.Милютиным. Есть основание предполагать, что и разрыв с петрашевцами как-то связан с увлечением Салтыковым экономическими проблемами.

Сюжет "Противоречий", обрисовка героев во многом перекликаются с романом Герцена "Кто виноват?" В герценовских тонах Салтыков изображает помещика Крошина, его жену. Они похожи на герценовское семейство Негровых, так же грубы, деспотичны и так же, по мнению писателя, не виноваты в этом, зависят от обстоятельств их жизни, сформированы ими. Похож во многом на герценовского Круциферского и герой "Противоречий" Нагибин. Он служит домашним учителем у Крошина, влюбляется в его дочь от первого брака, Таню. В повести отчетливо звучит тема социальных противоречий, подчеркнутая уже названием. Они коверкают героев, не дают маленькому человеку осуществить его право на счастье. Нагибин вынужден отказаться от любви, Таню выдают замуж за не любимого человека, она умирает.

В повести Салтыкова ставится вопрос не только о противоречиях социальных, но и о противоречиях души человеческой. Это определяет во многом обрисовку Нагибина. Он неспособен к борьбе, не может отстаивать свое счастье, готов из теории отказаться от любви, считая, что его положение и любовь — несовместимы. Нагибин старается объяснить действительность, боится оторваться от нее, он утверждает, что все в мире имеет определенные необходимые причины. Но его попытки везде найти середину, примирить крайности оказываются не состоятельными. Они приводят Нагибина к мысли, что нужно поклониться закону необходимости, что борьба с ним невозможна и неразумна. Вся жизнь героя становится противоречием. Стремясь объяснить действительность, он создает себе мир

воображаемый; в котором невозможно действовать и жить. Характерна и фамилия Нагибин, т.е. человек согнутый, исковерканный. И "согнутость" Нагибина - в какой-то степени результат дряблости его характера, трусости, нерешительности, вызванной материальной необеспеченностью. Разумеется, в конечном итоге, все эти черты определяются внешними условиями, средой, но не снимается ответственность и с героя.

Проблема воздействия среды на человеческую душу сближает Салтыкова с Достоевским, с романом "Бедные люди". С последним перекликается и история замужества Тани, и обрисовка Нагибина. Нагибина напоминает в какой-то степени Мыкин, один из персонажей пьесы Островского "Доходное место". Все это свидетельствует о злободневности затронутых в повести проблем, определяет ее роль, несмотря на недостатки, в эволюции Щедрина, в русской литературе конца 1840-х гг.

Значительным шагом в развитии творчества Салтыкова была повесть "Запутанное дело". Ее герой, Мичулин, во многом напоминает Нагибина. Писатель вновь обращается к теме "маленького человека", социальных противоречий, коверкающих его жизнь. Но в "Запутанном деле" эта тема решается гораздо острее, чем в "Противоречиях". Новая повесть получилась короче первой, цельней, монолитней. Она почти бессюжетна. Ее содержание - история "маленького человека", Мичулина, приехавшего служить в Петербург, безрезультатных его попыток устроиться в жизни, исканий, неудач, гибели. Писатель как бы продолжает тему гоголевской "Шинели", столь важную, по словам Достоевского, для всего

дальнейшего развития русской литературы ("Все мы вышли из гоголевской "Шинели").

Через всю повесть проходит мысль о социальных контрастах. В большом городе, Петербурге, они особенно обнажены. На одном полюсе здесь – огромное богатство, роскошь, расточительство; на другом – голод, нищета, унижения. Все повествование строится на раскрытии таких контрастов: сытый господин в роскошной карете и рядом голодный, несчастный Мичулин; богатые магазины и семьи бедняков, умирающие от истощения.

Мичулин, как и Нагибин, смиренный, забитый человек, не способный на активный протест. Но и ему в голову приходят "неблагоденственные" мысли. Он начинает осознавать несправедливость общественного устройства, где "маленький человек" оказывается лишним, не имеет права на существование. Отчего он князь, а не я? – задает себе вопрос Мичулин, "Отчего бы не мне уродиться князем?" (Шедрин, 1965, стр.207). У него зарождаются сомнения относительно отцовского кодекса житейской мудрости, утверждающего смирение; Мичулин ощущает, что часто нужно умение давать отпор, а не "безмолвное склонение головы" (Там же, стр. 205). В жизни Мичулин на такой отпор не способен, но во сне он начинает протестовать. Сны его, как и жизнь, полны кошмаров: он не может накормить жену и сына. "Да чем я хуже других?" – спрашивает Мичулин. И в ответ слышит: "Взять его!" (Там же, стр.225-26). Перед смертью Мичулину кажется, что он лежит в основании огромной пирамиды и на него давят все

верхние этажи, что он смят, изуродован страшной тяжестью. Изображение общественного устройства в виде пирамиды, основание которой составляют низшие классы, восходило к теориям социалистов-утопистов, в частности Сен-Симона. Характерно, что читатели-петрашевцы ставили на вершину нарисованной Салтыковым пирамиды фигуру "богдыхана" - царя (См.С.Макашин, Салтыков-Щедрин, М., 1951, стр.274. В дальнейшем: С.Макашин).

Большое значение имеет в повести разговор о "голодных волках". Во сне Мичулин видит своего сына, который просит есть (На самом деле у Мичулина нет ни жены, ни сына, но страшный кошмар судьбы бедняка, обремененного семейством, преследует его). Жена отвечает, что накормить сына нечем, что всю еду съели голодные волки. И тогда ребенок спрашивает: "когда же убьют голодных волков?" (Щедрин, 1965, стр.230). Жена Мичулина вынуждена продавать себя, чтобы купить немного еды (Там же, стр.229-30). Аналогичные сцены встречаются в русской литературе неоднократно. Та же тема звучит в стихотворении Некрасова "Еду ли ночью по улице темной", в романе Достоевского "Преступление и наказание" (История Сони Мармеладовой). Но, пожалуй, нигде так прямо, как у Салтыкова, не ставится вопрос о расправе со "злыми волками", лишаящими бедняков самого необходимого. И Мичулин, слушая оперу Россини "Карл Смелый" ("Вильгельм Телль"), видя на сцене революционный народ, восставший против своего тирана, ощущает, что в иных условиях он тоже мог бы быть с этим народом: "Тогда бы, может быть, и я..." (Там же, стр.254). И так,

не покорность, а борьба — путь к решению общественных конфликтов. Эта мысль проходит через всю повесть, и, очевидно, связана с влиянием на молодого Салтыкова идей Белинского. В то же время в "Запутанном деле" весьма иронически изображаются "теоретики", оторванные от реальной жизни, предлагающие различные, выведенные умозрительно, способы ее изменения ("разрушитель" Беобахтер, считающий, что все нужно уничтожить, рубящий рукой, как будто ножом гилиотины, видящий всю премудрость в последней парижской брошюре; проповедующий любовь Алексис Звонский, готовый на пари пройти под руку "даже" с мужиком). Они не могут, да и не хотят помочь Мичулину, когда тот приходит к ним за советом. Их теории превратились в шоры, заслоняющие от них жизнь. Характерно, что ни радикализм Беобахтера, требующего все разрушить, ни теоретическая готовность Звонского всем пожертвовать ради любви к человечеству не мешают им наслаждаться жизненными благами, не выходят из сферы красивой, но пустой левой фразы. Видимо, в образах Беобахтера и Звонского отразились размышления Салтыкова о несостоятельности пути петрашевцев, черты участников кружка — Спешнева и Плещеева. Обрисовка Беобахтера и Звонского определялась стремлением автора, характерным для Щедрина и в дальнейшем, решать жизненные вопросы на почве самой жизни, его нетерпимостью ко всякому абстрактному "прекраснодушию".

Повесть "Запутанное дело" была опубликована в "Отечественных записках" в начале 1848 г., который открывал "эпоху цензурного террора". Как раз в конце февраля этого года

возник тайный "меньшиковский комитет", перед которым была поставлена задача проверки действий цензуры, ревизии современной литературы. Повесть Салтыкова, подписанная буквами "М.С.", обратила на себя внимание комитета, чему, видимо, способствовала записка сотрудника III отделения М.Геденова, в которой смысл "Запутанного дела" излагался следующим образом: "Богатство и почести - в руках людей недостойных, которых следует убить всех до одного" (см. Макашин, стр.288). Повесть Салтыкова была признана "наиболее предосудительным" и "резким" из всех, рассмотренных комитетом, произведений" (Там же, стр.286), автора ее 21 апреля арестовали, над ним нависла угроза разжалования в солдаты, отправки в действующую армию, на Кавказ. В конечном итоге Николай I приказал, "снисходя к молодости Салтыкова", за "вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу" (имеются в виду революционные события 1848 г. - П.Р.), выразившихся в обеих его повестях, сослать писателя на службу в Вятку, под особый надзор местного губернатора (Там же, стр.294). 28 апреля Салтыкова в сопровождении жандармского офицера отправляют в Вятку, не разрешив ему даже отлучиться на день домой, чтобы собраться в дорогу и попрощаться с родными. Начинаются долгие годы ссылки, которая продолжалась до смерти Николая I, до 1855 г.

Вынужденный владеть тяжелой лямку чиновничьей службы, ощущая неудовлетворенность и скуку, борясь с засасывающей

силой мелочей, с растлевающим влиянием провинции, Салтыков не приходит в годы ссылки к духовному компромиссу, к капитуляции перед "гнусной российской действительностью". Как показывает Макашин, Вятка явилась серьезным испытанием для духовного развития Салтыкова. Здесь становится особенно ясной несостоятельность оторванных от жизни утопий, к которым писатель и ранее, в Петербурге, относился весьма скептически. По воспоминаниям Л.Ф.Пантелеева, Шедрин сам считал, что Вятка его "сблизила с действительной жизнью и дала много материалов для "Губернских очерков" ("М.Е.Салтыков-Шедрин в воспоминаниях современников", ГИХЛ, 1957, стр.181. В дальнейшем:... в воспоминаниях). В Вятке писатель все более отчетливо начинает понимать, что за отдельными нелепостями скрывается общий порядок вещей самодержавно-крепостнического государства. Салтыков настойчиво ищет путей к деятельности, которая не уводила бы в мир абстрактных иллюзий, была связана с действительностью и в то же время не означала капитуляции перед "порядком вещей". Он приходит к теории, о которой позднее писал в рассказе "Имярек", теории насаждения "либерализма в самом капище антилиберализма", "вождения влиятельного человека за нос" (VI, 495). Такого рода надежды были совершенно иллюзорны, сама теория вела к компромиссу, к подмене борьбы за перестройку общества борьбой за отдельные улучшения. Но все же речь здесь шла не о примирении с существующим "порядком вещей", а об изменении его, хотя средства предлагались несостоятельные. Нужно учитывать и то, что "теория" помогала Салтыкову

сохранить в какой-то степени душевное равновесие, оправдать как-то свою службу размышлениями о той пользе, которую может принести честный и деятельный чиновник.

Жизнь в Вятке, служба чиновником особых поручений при губернаторе давали Салтыкову богатый запас наблюдений, отразившихся позднее в "Губернских очерках". Работу над ними писатель начал, видимо, уже в Вятке, накапливая факты, определенным образом осмысливая их. В Вятке же Салтыков все серьезнее задумывается о народе, его судьбе, о том, что такое подлинный патриотизм. Крымская война, "великая драма" народа, сопровождаемая "неслыханнейшей оргией" хищничества, воровства, казнокрадства (IY, 4I6, 426), давала обильный материал для подобных раздумий.

"Г У Б Е Р Н С К И Е   О Ч Е Р К И"

В конце 1855 г. Салтыков освобожден из ссылки. Вскоре писатель приезжает в Петербург. В 1856-57 гг. он печатает в журналах "Русский вестник" и "Библиотека для чтения" свое первое большое произведение "Губернские очерки". В 1857 г. все 33 очерка опубликованы отдельным изданием, которое быстро расходуется и делает имя Щедрина широко популярным. Характеризуя этот успех, Чернышевский, в статье о "Губернских очерках", объясняет интерес читателя тем, что "в них очень много правды, - очень живой и очень важной" (Н.Г.Чернышевский, Полн. собр. соч., т.IY, М., 1948, стр.263). Критик связывает "Губернские очерки" с развитием гоголевских

традиций, подчеркивая, что правда, высказанная Шедриным, "правда очень горькая" (Там же).

Уже в "Губернских очерках" проявляется ряд особенностей, характерных для всего последующего творчества Шедрина. Одна из них - "цикличность". Книга состоит из отдельных, в достаточной мере самостоятельных, очерков, объединенных в циклы ("Прошлые времена", "Мои знакомцы", "Талантливые натуры" и др.). При кажущейся самостоятельности отдельных очерков, они связаны между собой и в рамках циклов и в границах всей книги. "Губернские очерки" - единое и монолитное произведение. Единство это определяется и совокупностью изображаемых фактов, создающих цельную картину жизни провинциальной России, и авторским осмыслением таких фактов, и композицией произведения.

Обращение к очеркам, циклизация их - явление, вообще характерное для русской литературы 1840-50-х гг., для "натуральной школы". Достаточно вспомнить "физиологические очерки", столь популярные в то время. Безусловно Шедрин, как и Тургенев в "Записках охотника", в своем первом большом произведении как-то ориентируется на традиции "натуральной школы", "физиологического очерка". Но, в отличие от Тургенева, он сохраняет и в дальнейшем тягу к очерку, к цикличному построению произведений.

Уже во "Введении" писатель подчеркивает свою ориентировку на правду, даже если эта правда горька и неприятна. Он формулирует те итоги, к которым пришел, размышляя о подлинном патриотизме: "Да, я люблю тебя, далекий, никем

не тронутый край! <...> И если перо мое нередко коснется таких струн твоего организма, которые издадут неприятный и фальшивый звук, то это не от недостатка горячего сочувствия к тебе, а потому собственно, что эти звуки грустно и болезненно отдаются в моей душе" (I,7). Такое понимание писательского долга определяет направленность "Губернских очерков", да и не только их, но и, в значительной степени, всего дальнейшего творчества Шедрина.

Писатель рисует губернский город Крутогорск, в котором без труда угадываются реальные черты Вятки, прототипы, послужившие основой того или иного образа ^{2/}. Но было бы неверно сводить "Губернские очерки" к воспоминаниям Салтыкова о вятской ссылке. Смысл их гораздо глубже. Писателю удалось на материале конкретных наблюдений создать широкую художественную картину большой обобщающей силы. Крутогорск, при всей индивидуальности его, — не просто Вятка, а типичный губернский город. Частные детали отступают на второй план, определяющим становится общее, наиболее характерное. Это сказывается уже в пейзаже, открывающем книгу. Рисуя живописную картину города, от которой глаз нельзя оторвать, Шедрин, как важную деталь пейзажа, отмечает "присутственные места" и острог. Едкой иронией звучат его слова о том, что приезжому "и острог и присутственные места кажутся <....> приютами мира и любви, лачужки населяются Филемонами и Бавкидами"(I,I).

2/ О связи "Губернских очерков" с вятскими впечатлениями см. С.Макашин, стр.372-75, 473-74 и др.

Окончательно разрушает очарование мнимой идиллии сцена со станovým, производящим следствие: "Как тебя зовут? - спрашивает один голос. - Кого? - отвечает другой. - Тебя <...> Зовут-то? - Ах, чтоб тебя... Раздаются аплодисменты" (I, 6-7). Итак, Крутогорск станových и "аплодисментов" (т.е. пощечин), присутственных мест и острога, город, который лишь усталому путнику может показаться в первый момент "приютом мира", - вот основная тема "Губернских очерков", сформулированная уже во "Введении".

Перед читателями проходит вереница чиновников. Большинство из них - взяточники и плуты. Они не только не стесняются свих "подвигов", но гордятся ими, с восхищением вспоминают о них. Так, старый подъячий восторженно, как о героических деяниях, говорит о плутнях уездного лекаря Ивана Петровича, о проделках городничего Фейера, о взяточничестве, вымогательстве, мошенничестве. Писатель подробно рассказывает о жизни Порфирия Петровича: "Его уважает весь город, он уж двадцать лет старшиною благородного собрания" (I, 50). Оказывается, что карьера этого "приятного человека" построена целиком на шантаже, предательстве, самых незаконных злоупотреблениях: "Однажды пришла ему фантазия за один раз всю губернию ограбить <...> и, однако ж, не слышно было ропота, никто не жаловался" (I, 60). Под статью Порфирию Петровичу и чиновники помельче, такие, как исправник Маремьянкин, прозванный Живоглотом, пьяница, дебошир и взяточник. Когда же некоторые из чиновников подводят свои действия под определенную "теорию",

то получается еще хуже, чем когда берут взятки, не мудрствуя лукаво. О таких чиновниках рассказывается в трех очерках, объединенных общим названием "Юродивые". Одним из "юродивых" является герой очерка "Надорванные", Филоверитов. Он гордится тем, что жители говорят о нем: "это собака!" (I, 215). Филоверитов не очень корыстен, не столь уж зол по природе, чтобы несчастье ближнего доставляло ему удовольствие. Но стоит начальству приказать, и он стрелой летит исполнять приказание: "я впиваюсь когтями и зубами в ненавистного ему субъекта, и до тех пор не оставляю его, пока жертва не падает к моим ногам, изгрызенная и бездыханная" (I, 216). Филоверитов уверен, что он, ничтожный атом в громаде административного механизма, как "человек официальный", не имеет права на собственные чувства и убеждения, на жалость и сочувствие. А ведь от него зависят человеческие судьбы. Страшен бесстрастный рассказ Филоверитова о выполнении им обязанностей следователя. Он не берет взяток, он, как человек, готов даже сочувствовать потерпевшим. Но действует он как бездушная, злая машина, полностью лишенная всяких эмоций. Филоверитов говорит об одном деле, которое пришлось ему разбирать: деревенская женщина, в припадке временного умопомешательства, покушалась на жизнь мужа, тот остался жив, он валялся в ногах следователя, прося пощадить жену, вся его семья умоляла об этом же. Но Филоверитов остался непреклонен: "Я не умствовал <...> Я просто раскрыл, что преступление совершено, и совершенно преднамеренно. Я не внял голосу сердца, которое говорило

мне: "пошади бедную женщину!.." <...> по той простой причине, что я только следователь, что я tabula rasa, которая обязана быть равнодушной ко всему, что на ней пишется" (I, 219-20). Однако, следственная часть не по нутру Филоверитову, так как приходится все же иметь дело с "живым материалом". Гораздо лучше, по его мнению, целиком оставаться в сфере бумаг, где важна не сущность дела, а лишь абстрактная логика, соблюдение внешних форм: "Какое мне дело до того, совершено ли преступление в действительности, или нет! Я хочу знать, доказано ли оно, или не доказано - и больше ничего" (I, 220). Пренебрежение к интересам людей, полное вытеснение сущности формой, человека - бумагой, по мысли Шедрина, одна из самых характерных особенностей бюрократической машины. Вопрос об этом поставлен уже в самом начале "Губернских очерков", во "Введении", в сцене разговора Порфирия Петровича с губернатором: "А у нас, ваше превосходительство <...> случилось на прошлой неделе обстоятельство. Получили из Рожновской палаты бумагу-с. Читали мы, читали эту бумагу - ничего не понимаем, а бумага, видим, нужная <...>призываем архивариуса, прочитал он бумагу. "Понимаешь?" - спрашиваем мы. - "Понимать не понимаю, а отвечать могу" <...> и в самом деле написал бумагу в палец толщиной, только еще непонятнее первой <...>- Любопытно, - говорит его превосходительство, - удовлетворится ли Рожновская палата? - Отчего же не удовлетворится? <...> ведь им больше для очистки дела ответ нужен: вот они возьмут да целиком нашу бумагу куда-нибудь и пропишут-с, а то

3/Латин. чистая доска.

место опять пропишет-с; так оно и пойдет..." (I,5).

Человек исчезает, превращается в нуль, в ничто. Знаменателен в этом плане и рассказ "Озорники". Герой его - чиновник образованный, уснащающий свою речь французскими словами и фразами. Он презирает Фейеров и Живоглотов, бережет свою репутацию и не станет собственными руками "обдирать" мужика. Свою долю, им же самим установленную, он получит с подчиненных, а как те обернутся - не его дело. Видимо, просителям придется заплатить даже больше, чем в иных случаях: эпикурейские вкусы начальника, изысканные обеды, хорошее вино, которое он так любит, стоят дорого. Но дело даже не в этом, а в принципиальном пренебрежении героя "Озорников" к народной массе, *cette canaille*, твердая уверенность, что ради нее не следует себя затруднять, что для государственных интересов, "высших хозяйственных соображений" безразличны судьбы отдельных людей: "я не для того тут сижу, чтобы ихние эти мелкие дразги разбирать; мое дело управлять ими, проекты сочинять<...> А какая же мне надобность, что там Кузёмка или Прошка пойдет в рекруты: разве для государства это не все равно..." (I,2II).

Тема чиновников-взяточников - одна из основных тем либеральной обличительной литературы второй половины 1850-х гг. С воцарением Александра II, в обстановке готовившихся реформ, стало возможно и даже модно критиковать недостатки предшествовавшего царствования. "Губернские очерки" нередко рас-

---

4/ Гр. этим канальям.

сма­три­ва­лись в русле по­доб­ных об­ли­че­ний, сам же Шед­рин обяв­ля­лся ро­до­на­чаль­ни­ком об­ли­чи­тель­но­го на­прав­ле­ния. На пер­вый вз­гляд, та­кая точка зре­ния под­твер­жда­ется мно­гими фак­та­ми. Цикл, от­крываю­щий кни­гу Шед­ри­на, на­зы­ва­ет­ся "Про­ш­лые вре­мена" (кур­сив мой – П.Р.); к "Пер­во­му рас­ска­зу под­ъя­че­го" по­став­лен э­пи­граф: "Све­жо пре­да­ние, а вер­ится с тру­дом"; мно­гие из "под­ви­гов" чи­нов­ни­ков–взя­точ­ни­ков от­но­сятся к про­шло­му; кни­га за­кан­чи­ва­ет­ся кар­ти­ной по­хоро­н "про­ш­лых вре­мен", ко­торая как будто еще бо­лее под­чер­ки­ва­ет, что критику­ет­ся ис­че­заю­щее, уходя­щее. Все это внешне сбли­жа­ет "Губер­нские очер­ки" с ли­бераль­ной об­ли­чи­тель­ной ли­тературой, ха­рак­тер­ной осо­бен­но­стью ко­торой было обра­ще­ние крити­ки в про­шлое. Не слу­чай­но Чер­нышев­ский, по­ло­жи­тель­но от­зы­вая­ся о кни­ге в целом, ощу­тил в ее кон­цов­ке от­звук ли­бераль­ных иллю­зий: "Его пре­крас­ные очер­ки кон­ча­ются по­хоро­на­ми. На ка­ком ос­но­ва­нии эти по­хоро­ны яви­лись в ва­шей кни­ге <...> Мы ре­ши­тель­но не по­ни­ма­ем: к че­му, за­чем и на ка­ком ос­но­ва­нии устро­или вы эти по­хоро­ны? <...> Сла­ва бо­гу, все на­ши доб­рые зна­комые на­хо­дятся в доб­ром здо­ровье и со­вер­шен­ном бла­го­ден­ствии, ни­кто из них и не ду­мал уми­рать" (Н.Г.Чер­нышев­ский, Полн. собр. соч., т. IУ, М. 1948, стр.929). Пра­вда, уже в кор­рек­ту­ре Чер­нышев­ский снимает уп­рек, а­дресо­ван­ный Шед­ри­ну. Дело здесь, ви­ди­мо, не толь­ко в том, что он стре­мился "от­во­е­вать" "Губер­нские очер­ки" у ли­бераль­но–дво­рян­ской крити­ки" и по­э­тому "не счел нуж­ным обра­тить вни­ма­ние чи­та­те­лей на <...> от­дель­ные ли­бераль­ные фор­му­ли­ро­вки ав­то­ра" (Там же, стр.893). При вду­м­чи­вом

чтении концовка книги Щедрина не давала основания для таких упреков. Ведь слова о похоронах "прошлых времен" проносятся циником Буеракиным с неприкрытой иронией и вызывают у автора чувство тоски, уныния: "Но кого же хоронят? Кого же хоронят? — спрашиваю я, томимый каким-то тоскливым предчувствием. — "Прошлые времена" хоронят! — отвечает Буеракин торжественно, но в голосе его слышится та же болезненная, праздная ирония, которая и прежде так неприятно действовала на мои нервы..." (I, 385). Эти слова заканчивают книгу, подводят итог. Их тональность отнюдь не созвучна либерально-обличительному оптимизму. Когда писатель на самом деле верит в похороны "прошлого", он говорит совсем по-другому (см., напр., концовку "Обломова"). В целом "Губернские очерки", хотя Щедрин не стал еще революционным демократом, не только не относятся к обличительной литературе, но и противостоят ей. Один из главных конфликтов, характерных для "обличителей", — столкновение закона и "плохих" чиновников. У Щедрина чиновникам противопоставлен не закон, а интересы человека. Главная тема "Губернских очерков" не осуждение взяточников, попирающих законы, а изображение бесчеловечности всей бюрократической машины. Все чиновники, берущие и не берущие взятки, невежественные и образованные, прошлых и настоящих времен, с "теориями" и без них, оказываются одинаково безразличными к нуждам человека, к интересам народа. Щедрин еще не доводит свою критику до конца, не касается основ самодержавной власти, крепостного права. Но уже в "Губернских очерках" за отдельны-

мы "нелепостями , противоречиями" возникает "порядок вещей", их определяющий и связывающий (С.Макашин, стр.424). Именно так истолковывает книгу Щедрина Чернышевский, утверждая, что "дурные поступки" изображенных в ней лиц объясняются "обстоятельствами их жизни" (Н.Г.Чернышевский, Полн.собр. соч., т.IV, М. 1948, стр.267). И хотя Чернышевский, стремясь подвести читателей к революционным выводам, несколько переакцентирует смысл "Губернских очерков", он исходит, в основном, из того, что действительно намечено в них.

Не следует , однако, думать, что автор "Губернских очерков" отказался вполне от своей теории "служения либерализму в самом капище антилиберализма". Свидетельством сохранения остатков таких иллюзий служит, в первую очередь, образ самого рассказчика, Щедрина, честного и деятельного чиновника, стремящегося приносить пользу народу. "Щедрин" в "Губернских очерках" не псевдоним; под которым М.Е.Салтыков в дальнейшем печатает свои произведения ^{5/}, а рассказчик, подобный охотнику в тургеневских "Записках охотника", образ во многом автобиографичный, но не тождественный автору ^{6/}.

5/ "Губернские очерки" имели подзаголовок: "Из записок отставного надворного советника Щедрина. Собрал и издал М.Е.Салтыков".

6/ Для Салтыкова-Щедрина характерно и в дальнейшем переплетение авторского "я" с чертами вымышленного рассказчика, часто даже противопоставленного автору "благонамеренного" обывателя. В "Губернских очерках" близость автора и рассказчика, пожалуй, особенно велика, но и здесь они не тождественны.

"Щедрин" присутствует в очерках, объединяет их в нечто целое, он сообщает о событиях и одновременно действует сам, стараясь в рамках административной сферы бороться с несправедливостями, делать добро. Но писатель ощущает слабость такой позиции, хотя и связывает с ней известные надежды. Он вкладывает в уста Буеракина, человека далеко не глупого, при всем его цинизме, совершенно уничтожающую оценку деятельности Щедрина: "Жаль, что донкихотствуете, - говорит Буеракин, - <...> задумали всех блох переловить... ведь на это порошок такой нужен <...> с одними пальцами, как бы они ни были прытки, тут не уедешь далеко... А ну, покажите-ка мне ваш порошок!" (I,243). Никакого "порошка" рассказчик показать Буеракину не может: ведь и на самом деле все "мероприятия" честного чиновника Щедрина сводятся, как справедливо замечает Буеракин, к ловле отдельных блох: "Вы одну какую-нибудь крохотную блошинку изловите, да и кричите, что мочи есть, что вот, дескать, одной блошицей меньше, а того и не видите, что на то самое место сотни других блох из нечистоты выскакивают... такое уж, батюшка, удобное для этой твари место..." (I,243). Рассказчик, правда, пытается спорить с Буеракиным, говорит о несостоятельности буеракинской позиции циничного зубоскальства. Но его доводы не слишком убедительны, и, во всяком случае, не опровергают рассуждений Буеракина о "донкихотстве" честного чиновника Щедрина. Очевидно, что эти рассуждения о несостоятельности ловли "отдельных блох", отражая раздумья самого Салтыкова об его службе

в Вятке, являлись замечательной характеристикой всякой либеральной административной деятельности.

Затрагивается в "Губернских очерках" и вопрос о дворянской интеллигенции, о "лишних людях". О них, в основном, говорится в цикле "Талантливые натуры", который в наименьшей степени связан непосредственно с вятскими впечатлениями (См. С.Макашин, стр.473). Герои этого цикла - люди часто вовсе не плохие, не глупые. Но они совершенно не способны к делу, к которому с такой страстностью стремился Салтыков, к практическим полезным действиям, нужным для них самих, для народа. Несостоятельность - самая характерная их черта. Провинциальный Печорин-Корепанов может лишь "злобствовать", говорить всем колкости. Его протест не связан с "живыми началами", может выражаться лишь в "одном зубоскальстве или псевдотрагическом негодовании" (I,223). Аналогична позиция Буеракина. Он хорошо понимает несовершенство существующего порядка вещей, знает, что мелкими улучшениями ничего исправить нельзя, что само общественное устройство порождает злоупотребления. Но это знание приводит его не к выводу о необходимости коренных изменений, а к оправданию собственного безделья, к мыслям о бесполезности всякого вмешательства в жизнь, к праздным рассуждениям о том, что все имеет две стороны, следовательно нет ни добра, ни зла, что "оттепель - возрождение природы" и одновременно - "обнажение всех навозных куч" (I,246). От пустословия и пустомыслия Буеракина (напр., от его рассуждений о том, что было бы, если бы позади его усадьбы, вместо болота, вдруг очутился зеле-

ный луг - 247) тянутся нити к образу Иудушки Головлева.

Как бы прототипом Обломова предстает перед нами помещик Лузгин (речь здесь идет не о влиянии одного писателя на другого, а о сходных характерах, определяемых сходной обстановкой). Лузгин - честный, неглупый, образованный человек. Рассказчик вспоминает о нем, как о "друге молодости". Но, женившись, осев в деревне, Лузгин совершенно опускается. Его жизнь сводится к еде, питью, сну. Мягкие тушевые диваны - характерная деталь его обстановки. Он сам осознает свое падение, называет себя "свиньей", но изменить ничего не может. В то же время Лузгин ощущает, что причина его падения не только в нем самом, что в жизнь "вкралась тут опечатка". "Нет, ты скажи: кто виноват-то, кто виноват-то в этом?" - спрашивает он у рассказчика (I, 237). Не от подобных людей можно ожидать решения проблем, стоящих перед страной. Бесполезно надеяться, что они окажутся способными к делу. Горечью и иронией веет от названия цикла, рассказывающего о них: "Талантливые натуры". И здесь, при обрисовке "лишних людей", так же, как и при изображении чиновников-взяточников, возникает вопрос об окружающей среде, об общественных условиях, формирующих человека, определяющих его поступки. Объективно это вело к выводу, еще не осознанному автором, о необходимости коренной переделки таких условий, выводу, в сущности, революционному.

Бездеятельным "талантливым натурам" в какой-то степени противопоставлен новый хищник, купец Хрептугин. Но, в отличие от Гончарова с его Штольцем, Салтыков отнюдь не идеали-

зирует Хрептюгина. В "Губернских очерках" тема капиталистического хищничества, столь характерная для более позднего творчества Шедрина, еще только намечается. Однако, уже в очерке "Хрептюгин и его семейство", образ Хрептюгина (показательна сама фамилия), бывшего сидельца в питейном доме, разбогатевшего на откупе, торгующего водкой, как бы открывает галерею аналогичных шедринских образов, Деруновых, Колупаевых, Разуваевых. Под статью Хрептюгину и его восьми-летний сын, который, видимо, станет достойным наследником своего папаша: больше всего он любит смотреть, как считают деньги и разливают по бутылкам водку. "Лютая бестия из тебя выйдет", - говорит о нем один из работников Хрептюгина (I, 118).

Всему этому миру Фейеров и Живогловых, Буеракиных и Хрептюгиных Салтыков противопоставляет, как подлинную и единственную ценность, народ. С любовью и глубоким сочувствием говорит о нем писатель: "Я вообще чрезвычайно люблю наш прекрасный народ, и с уважением смотрю на свежие и благодушные типы, которыми кишит народная толпа" (I, 95). Изменяется сам тон рассказа, когда Салтыков описывает людей из народа, сатирическое повествование вытесняется взволнованно-лирической речью. Даже преступления этих людей не вызывают сурового осуждения: один из них убивает из ревности, любя и страдая, другой - чтобы заплатить подушное (см. очерк "В остроге. Посещение первое"). В своем отношении к народу Салтыков далеко не во всем прав. Известное воздействие на него в это время оказывают славянофильские

теории. В "Губернских очерках" нет народа протестующего. Благодушие, терпение, религиозность – вот те качества, которые отмечает писатель в народе. И он не осуждает народ за эти качества, а видит в них его силу. Не случайно цикл, в котором появляются первые положительные персонажи, люди из народа, назван "Богомольцы и странники"; не случайно такими персонажами являются отставной солдат Пименов, идущий на богомолье, странницы Пахомовна и Аринушка; не случайно в таких идиллических тонах выдержан очерк "Христос воскрес!" Но уже в "Губернских очерках" в трактовке проблемы народа сказывается прежде всего не слабость, а сила Салтыкова. Уже здесь заметно понимание того, что народ – единственная основа, на которую можно опереться, наиболее безусловная ценность. В очерках отчетливо ощущается стремление понять народ, узнать его жизнь, разобраться в народном сознании, в народных характерах. Само увлечение славянофильством, видимо, объяснялось тем, что писателя привлекало внимание славянофилов к проблеме народа. Славянофилы казались Шедрину единомышленниками. Однако, при видимой близости, отношение к народу у Салтыкова и славянофилов было не одинаковым. Уже в "Губернских очерках" начинает звучать столь характерная для Шедрина тема противоречий народа, его богатых потенциальных возможностей и горестной судьбы, исторически обусловленной пассивности.

"Губернские очерки" подчеркнуто выдержаны в русле гоголевской традиции. Главная их тема – изображение русской провинциальной бюрократии – непосредственно перекликается

с "Ревизором", с "Мертвыми душами". Сходство видно даже в деталях (напр., описание молодости Порфирия Петровича во многом напоминает историю Чичикова). Нередко слышатся гоголевские интонации (ср., напр., начало очерка "Порфирий Петрович" с "Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем"). В то же время "Губернские очерки" отличаются от гоголевских произведений. Бытовая сатира у Салтыкова, может быть и без прямой ориентации на это, приобретает политический характер; "злость", негодование преобладает над смехом. Крутогорск наделяется чертами конкретного русского города, теряет ту условно-сатирическую абстрактность, которая ощущается при описании губернского города в "Мертвых душах", и в то же время не превращается во что-то исключительное, сохраняет свою типичность. Щедрин еще не стал революционным демократом. Но нарисованная им картина объективно подводит к революционным выводам. В русле таких выводов истолковывает "Губернские очерки" Чернышевский 7/.

Т В О Р Ч Е С Т В О   Ш Е Д Р И Н А   К О Н Ц А
1 8 5 0 - Н А Ч А Л А 1 8 6 0 - Х   Г Г .

Конец 50-х - начало 60-х гг. - время постепенного формирования революционно-демократического мировоззрения Щедрина. В этот период он пишет два больших цикла очерков: "Невинные рассказы" и "Сатиры в прозе". Они служат как бы переходом от "Губернских очерков" к сатирическим произведе-

---

7/ Около трети очерков при печатании была "выкинута" цензурой. См. С.Макашин, стр.440.

ниям Шедрина, написанным в конце 60-х – начале 70-х гг. Так, в "Невинных рассказах" читатель встречается с тем же Крутогорском, с тем же рассказчиком, с теми же персонажами, часто с той же манерой изложения, что и в "Губернских очерках". Но появляется и новое. Прежде всего – это усиление обобщенно-сатирических мотивов. От обрисовки конкретно-типических персонажей Шедрин переходит к созданию гротескно-заостренных сатирических образов – символов. Сатирические тенденции, которые ощущались в "Губернских очерках", превращаются в сатиру. Крутогорск постепенно начинает вытесняться городом Глуповым. Правда, это еще не тот Глупов, который позднее появится в "Истории одного города". Он не превратился еще в гротескный символ самодержавия. Первоначально Глупов олицетворяет все гнилое, отжившее, античеловечное и, иногда, по мысли Шедрина, все уходящее, связанное с прошлым. В какой-то степени в таком толковании сказывались либеральные иллюзии, но содержание циклов определяли, в основном, не они. Уже здесь поставлена тема разлада, нравственного распада Глупова "эпохи конфуза" – предреформенного времени, когда становится ясна несостоятельность прежних жизненных начал. Уже здесь возникает вопрос о "пробах либерализма", с сарказмом рассказывается, что даже Порфирий Петрович, знакомый читателю по "Губернским очеркам", начинает "либеральничать", говорить о необходимости гласности. О пользе "прогресса" рассуждают также другие глуповцы, и сам этот факт раскрывает всю никчемность либеральной "прогрессивности".

Правда, речь идет не о либерализме вообще, а о "либерализме" глуповцев, символизирующих старую, дореформенную Россию. Щедрин в какой-то степени верит, что происходит расцвет с прошлым, что Глупов уходит с исторической арены, что глуповцы напуганы происходящими в России изменениями, безуспешно стараются приспособиться к ним, что на смену "старым временам" идут "новые времена". Уродливые явления, которые сатирически рисует Щедрин, сам либерализм глуповцев ограничены лишь сферой Глупова. Но объективно рамки Глупова оказываются чрезвычайно широкими, сатирическая картина приобретает общий смысл, превращается в олицетворение всей системы. Начинается, по существу, и та бескомпромиссная борьба с либерализмом, которая столь характерна для всего дальнейшего творчества Щедрина. Характерно и расширение тематики писателя: в его творчестве начинает звучать тема крепостничества ("Госпожа Падейкова", "Миша и Ваня" и др.). За публикацию рассказа "Миша и Ваня" редакция "Современника" получила предостережение.

В конце 50-х - начале 60-х гг. Щедрин все более сближается с редакцией "Современника". Он печатает в этом журнале ряд очерков из циклов "Левинные рассказы" и "Сатиры в прозе". В 1863-64 гг., после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского, Щедрин становится одним из соредакторов "Современника". Он активно сотрудничает в журнале, публикует там большое количество статей, рецензий, продолжающих традиции Чернышевского и Добролюбова, подготавливает и выпускает 9-й номер "Свистка". Из месяца в месяц ведет он в "Современнике"

хронику "Наша общественная жизнь". Ее можно было бы назвать энциклопедией русской действительности того периода; когда стало ясно, что революционная ситуация не переросла в революцию. Щедрин ведет борьбу со все более усиливающейся реакцией, защищает революционно-демократическое мировоззрение, подвергнутое в "трудное время"; когда многие стали ренегатами, ожесточенной травле. Он говорит о несостоятельности всякой деятельности, лишенной поддержки народа, призывает не складывать руки, использовать любую реальную возможность для действий, имеющих в конечном итоге целью осуществление революционно-демократических идеалов общественного устройства. Выводы Щедрина в это время иногда противоречивы, не во всем верны (писатель несколько недооценивал роль демократической интеллигенции; стремясь использовать все практические возможности деятельности, он питал иллюзии относительно путей легальных, в частности - пути административного служения: см. в "Нашей общественной жизни" рассуждения о тюкалинском городничем, белебеевском исправнике и т.п.). Однако, вряд ли правомерно сводить эти противоречия, неверные выводы к пережиткам либерализма, доказывать, что Щедрин стал последовательным революционным демократом лишь к концу 60-х - началу 70-х гг. Ко времени создания "Нашей общественной жизни" Щедрин - революционный демократ. Но революционно-демократическая идеология не являлась чем-то застывшим. Она развивалась, изменялась, в каждый период имела свои особенности. Революционный демократизм Белинского не тождествен мировоззрению Чернышевского и Добролюбова, а взгляды

последних во многом отличаются от выводов Шедрина. Чернышевский и Добролюбов — идеологи периода революционной ситуации, Шедрин же — того времени, когда надежды на близкую революцию исчезли, когда пришлось искать новые пути, пересматривать многие выводы, оказавшиеся несостоятельными. Можно говорить о кризисе всей русской революционно-демократической мысли, понимая, однако, под словом "кризис" не только упадок, тупик, но и движение вперед. Мировоззрение революционных демократов менее оптимистично, чем прежде; самой жизнью снимается проблема близкой крестьянской революции. Но зато оно становится более трезвым, лишенным в значительной степени утопической абстрактности.

В выводах Шедрина 1863—64 гг. сказался весь его предшествующий жизненный опыт. Своеобразие шедринского взгляда на окружающее ощущается в них весьма отчетливо. Нередко писатель повторяет мысли, высказанные им в ранних произведениях (напр., высказывания об административном служении). Но вряд ли правомерно видеть в этих выводах что-то характерное лишь для Шедрина, определяемое его либеральными колебаниями. Противоречия Шедрина отражали противоречия всей русской революционно-демократической мысли периода неревolutionной ситуации, кризиса. Чернышевский в "Прологе" во многом перекликается со Шедриным (рассуждения о нации рабов, о невозможности в России близкой революции, эпизод с бурлаками и т.п.). В.И. Ленин в статье "О национальной гордости великороссов" отмечал, что подобные размышления — свидетельство "настоящей любви к родине, любви, тоскующей

вследствие отсутствия революционности в массах..."

(В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, М., 1961, стр. 107).

А. В. Луначарский, говоря о щедринских противоречиях, видел в них отражение трагедии лучших русских людей, трагедии "осужденности безвременья". "Подло бы было с нашей стороны, — писал Луначарский, — упрекать их в том, что во взволнованных и волнующих поисках выхода из этой трагедии, самой страшной социально-психологической трагедии, какая только возможна на земном шаре, они делали иногда ошибки" (А. В. Луначарский, По поводу неопубликованных статей Щедрина 1864—1865 гг., "Литерат. наслед.", № II—12, М., 1933, стр. 184).

" П О М П А Д У Р Ы И П О М П А Д У Р Ш И "

В 1860-х—начале 1870-х гг. Щедрин создает ряд циклов, направленных против самодержавно-бюрократической системы в целом. К этому времени Щедрин — сформировавшийся зрелый сатирик; прекрасно владеющий своим оружием, писатель революционно-демократического мировоззрения, умеющий показать не только следствия, но и причины изображаемых им явлений. Каждый из циклов освещает затронутую проблему по своему, а все они, в совокупности, показывают полную несостоятельность самодержавно-бюрократического принципа. Первый из этих циклов, "Помпадуры и помпадурши", создавался в 1863—73 гг. и печатался сначала в виде отдельных рассказов в "Современнике" и в "Отечественных записках".

В 1873 г. он вышел отдельным изданием. Слово "помпадур" создано сатириком путем иронического переосмысления имени маркизы де-Помпадур, всевластной любовницы французского короля Людовика I5. Шедрин придает этому слову обобщающе-сатирический, нарицательный смысл. Он называет помпадурями представителей высшей административной власти, губернаторов. Слово, созданное Шедриным, прочно вошло в русский язык для обозначения самодурства, административного произвола. Оно стало еще более емким, и употребление его не ограничивается тем смыслом, который вкладывал в это слово писатель. Помпадурши, по Шедрину, — не жены, а любовницы помпадуров. Цикл "Помпадур и помпадурши" связан с убеждением сатирика, что реформа не изменила жизни России, сущности ее бюрократических учреждений, что новый послереформенный порядок столь же враждебен народу, как и старый, дореформенный. Еще в "Нашей общественной жизни" писатель утверждал, что "яичница" (сатирический символ общественно-политического устройства крепостнической России) осталась той же самой, что она лишь местами подправлена. Аналогичная мысль красной нитью проходит через весь цикл "Помпадур и помпадурши". В первых рассказах ("Прощаюсь, ангел мой, с тобой", "Старый кот на покое") говорится об отставке старых (т.е. дореформенных) помпадуров. Сама тема смены старых помпадуров, конечно, ассоциировалась в сознании читателей с административными изменениями, которыми начиналась "эпоха великих реформ"^{8/}. Рассказчик, бла-

---

8/ Так называли либеральные историки 1860-е годы.

гонамеренный обыватель, преданный начальству чиновник, потрясенный сперва отставкой старого помпадур, приходит затем к успокоительному выводу, что он не будет "оставлен без начальника", "если нет старого, то это значит, что есть новый - и ничего больше! Из-за чего же тут меняться воздуху! Из-за чего предметам, уже установившимся и, могу сказать, вросшим в землю, перескакивать с места на место" (П, 9, II). Разница между тем или иным помпадуром в рассказе "Прощаюсь, ангел мой, с тобою" ограничивается тем, что один велит ломать пол в губернаторском кабинете, другой, желая отличиться от своего предшественника, дает распоряжение ломать пол не в кабинете, а в гостиной, третий же, пожалуй, найдет, что пол нужно ломать в столовой, и так они "весь губернаторский дом постепенно перепакостят, а надлежащей распорядительности все-таки не покажут" (П, 6). Щедрин едко высмеивает и "масштабность" проводимых "реформ" (ломают пол в кабинете, в крайнем случае, мостят базарную площадь, но так и не домостят ее. Это - предел помпадурской распорядительности), и несерьезность различий в действиях того или иного помпадур. Становится очевидным, что в основном помпадуры не отличаются друг от друга (каждый из них считает, что ломать нужно там, где он приказывает, что его предшественники, ломая в другом месте, ошибались. Но все помпадуры сходятся на том, что нужно именно ломать, а не созидать, не строить).

Саркастическая щедринская характеристика чехарды помпадуры в какой-то степени направлена против либерального

обличительства: ведь "обличители" считали, что "зло" заключается в отдельных людях, и все дело сводится к тому, чтобы плохого чиновника заменить хорошим. Щедрин раскрывает полную несостоятельность подобных надежд. Однако, рассуждения сатирика имеют и более общий смысл. Они направлены, в первую очередь, против всей системы реформ, административных преобразований, проводимых правительством Александра II. По мысли писателя, ни старые, ни новые помпадур не имеют твердых убеждений, пусть даже реакционных. Для них важно одно: возможность сохранить свое место. По воле начальства они готовы защищать сегодня то, против чего боролись вчера, превратиться даже в либералов. "Если новое начальство новые виды имеет, то стоило только приказать - я готов!" - с обидой говорит отставляемый помпадур (П, 8). Он не понимает причин своей отставки, мотивируемой тем, что он расстроил "здоровье и без того потрясенное преклонностью лет" (П, 12).

В рассказе "Старый кот на покое" писатель изображает саму смену старого помпадур новым. Эта смена - не простая перетасовка начальников губерний. Она вызвана новыми веяниями, общим изменением атмосферы. Не случайно в губернии нового помпадур ждут с опасениями, связывая его имя чуть ли не с петербургскими пожарами^{9/}, с польским национально-освободительным движением. Характерно, что, при всей обобщенности щедринской сатиры, ряд на-

---

^{9/} Правительство распространяло слухи, что пожары в Петербурге весной 1862 г. - дело рук революционеров.

меков вводят ее в конкретные временные рамки, ориентируя на четко определенный период (упоминания и петербургских пожарах, волнениях в Польше, мировых посредниках, земстве и т.п.). Этим самым рассказ о смене помпадуров еще более ориентирован на события начала 1860-х гг., на те преобразования, которые проводило правительство. С "преобразований" начинается и новый помпадур. Он приказывает ломать полы и потолки в губернаторском доме ^{10/}. Но вскоре становится ясно, что новый помпадур ничем существенным не отличается от старого. До губернатора, уволенного в отставку, начинают доходить все более "благоприятные" вести об его преемнике: тот и недоимки собирает, и сечет при этом, и, прибыв в некое присутственное место, садится на книгу, заявляя чиновникам: "Я вам книга, милостивые государи! Я - книга, и больше никаких книг вам знать не нужно!(П,25).Невольно у старого помпадуров вырывается похвала новому: "Он... молодец!" (П,26). Рассказ заканчивается картиной встречи и полного примирения старого и молодого помпадуров. Первый умирает спокойно, он уверился, что никакого "потрясения основ" не произойдет, что "наше дело находится в добрых и надежных руках" (П,31),

^{10/} В официальных заявлениях, в выступлениях реакционной и либеральной печати в то время часто встречались рассуждения о необходимости перестройки государственного здания, административного аппарата и т.п. Видимо, Щедрин, говоря о ломке в губернаторском доме, иронизирует над такого рода рассуждениями, сатирически конкретизируя их.

Уже первые рассказы "Прошаюсь, ангел мой, с тобой!" и "Старый кот на покое" определяют тональность всего цикла, дают ключ к нему, раскрывая отношение Шедрина к реформам 1860-х гг. Возможно, речь идет не только о перетасовке губернаторов, высших чиновников, но и о смене верховных помпадуров, Николая I Александром II. Не ясно, имел ли в виду Шедрин такую трактовку, но единство коренных начал александровской "эпохи великих реформ" и мрачного николаевского деспотизма он, во всяком случае, понимал весьма отчетливо.

В остальных рассказах цикла писатель рисует разные типы новых, послереформенных помпадуров. Для большинства из них, особенно на первых порах их деятельности, характерна либеральная фраза. "Шутом гороховым" (П, 53), способным лишь на праздную прекраснодушную либеральную болтовню, изображается Митенька Козелков, герой ряда рассказов цикла. Болтовня — его стихия. Шедрин подчеркивает это, начиная несколько глав одними и теми же словами: "Дни проходят за днями; Митенька все болтает" (П, 105), "Дни идут за днями, а Митенька все болтает" (П, 308), "Дни идут за днями, а Митенька все болтает" (П, 112). Конечно, "вольнодумствует" Митенька в рамках "либерализма", доступного для помпадура. Так он выступает даже сторонником гласности, хочет иметь своего публициста (чудовищное для помпадура желание!). Правда, гласность, свободу слова он понимает по-своему. Публицист для него — "механик", "которому я мог бы подать мысль, намекнуть, а он бы сейчас привел все это в порядок (...). Если начальник желает распорядиться келейно, то

приказывает чиновнику; ежели он желает выразить свою мысль в приличной форме, то призывает публициста"(П, I08). Образцом той публицистики, о которой мечтает Митенька, может служить статья "Наши желания"; написанная по его приказу, раболепно восхваляющая существующий порядок, начальство. Сатира Щедрина и здесь ориентирована на конкретные факты, характерные для эпохи. Писатель имеет в виду и продажную публицистику, восхвалявшую правительственные преобразования, и мнимое поощрение гласности, общественной инициативы; провозглашенное властями. Когда в рассказе "Она еще едва умеет лепетать" правитель канцелярии, слушая либеральные разглагольствования Митеньки, шипит про себя: "Лгунище ты необузданный!"(П, I08), его слова выражают в сущности отношение самого Щедрина ко всей политике правительственного либерализма.

Как либерал начинает свою деятельность и Федя Кротиков, герой рассказа "Помпадур борьбы или проказы будущего". Однако, "либерализм" помпадуров; даже самый умеренный, -- лишь отражение "веяний времени", точки зрения вышестоящего начальства. Он сродни "либерализму" помощника винного пристава" из стихотворения Добролюбова "Мысли помощника винного пристава". Герой стихотворения готов "либеральничать", поскольку "либеральничает" его начальник, генерал Сидор Карпович Дворников: "Нам он может всегда приказать"^{II/}. Такого же рода "либерализм" и Митеньки Козелкова, готового даже бунтовать, "ежели вдруг начальство прикажет бунтовать"(П, I03). Но сущность помпадурства такого рода "либерализм" не затра-

---

II/ Н.А. Добролюбов, Стихотворения, Л., 1941, стр. II4.

гивает. Не случайно либерально-пустословные речи Митеньки о процветании промышленности, об удобренных полях и т.п. вдруг кончатся криком, неожиданным даже для него самого, столь характерным для помпадуров всех времен: "Раззорю!" (П, II4). Не случайно Федя Кротиков, начинающий свою деятельность с проповеди децентрализации России (с такой проповедью в свое время выступал и Катков), со сборов денег на устройство детского приюта, библиотеки, театра заканчивает эту деятельность как "помпадур борьбы", разыскивающий "корни и нити" революционных заговоров, считающий, что "лучше совсем истребить науки, нежели допустить превратные толкования" (П, I78).

Щедрин вводит в рассказы цикла "Помпадуры и помпадурши" героев из других литературных произведений. Этот прием он широко использует и в дальнейшем. Федя Кротиков, во времена своего "либерализма", приглашает Рудина, Райского, Веретьева, Волохова чиновниками особых поручений, Лаврецкий служит у него правителем канцелярии. Позднее, отказавшись от либерализма, Кротиков заменяет их Скотининым, Ноздревым, Держимордой. Большинство прежних либералов "приносят покаяние" в своем либерализме. Да и сам либерализм их весьма условен, сводится к тому, что Рудин и Волохов в гостиную у помпадурши проповедуют "теорию возрождения России посредством социализма, проводимого мощною рукою администрации" (П, I65). Лаврецкий же "до того ожирел, что лишь с трудом понимал, какие идеи - либеральные и какие - консервативные" (П, I67).

Шедрин обычно использует в своих произведениях две группы литературных героев, созданных другими писателями. К первой из них относятся персонажи, имя которых часто стало нарицательным, воплотившие в себе наиболее отчетливо черты крепостнической, деспотической, бюрократической России (Скотинин, Держиморда, Молчалин и др.). Это, в основном, сатирические образы, заимствованные из произведений Гоголя, Фонвизина, Грибоедова. Такие "герои" у Шедрина, как правило, не претерпевают никаких изменений. Они и в новой обстановке сохраняют свою сущность, торжествуют, чувствуют себя уверенно. В эпоху либерализма они иногда тоже начинают "либеральничать", но не меняясь внутренне при этом, дискредитируя саму идею либерализма своей причастностью к ней. Шедрин как бы подчеркивает, что ничего не изменилось, что герои старой крепостнической России продолжают процветать, что они — не только прошлое, но и настоящее, что они сохранили силу и власть, попрежнему определяя жизнь страны.

Вторая группа литературных героев, заимствованных Шедриным у других писателей, — как правило, сами по себе персонажи отнюдь не сатирического плана, это — "лишние люди", вольнодумцы, сторонники прогрессивных идей (Чацкий, Рудин, Лаврецкий, Райский, Волохов и др.). У Шедрина такие образы всегда переосмысливаются, превращаются в сатирические. Герои подобного плана, как правило, примиряются с реакцией; легко забывают о своей былой прогрессивности, идут на государственную службу, становясь усердными и верноподданными чиновниками. Такая эволюция должна подчеркнуть не-

стойкость, поверхностность дворянского либерализма, интеллигентского вольнодумства.

С сарказмом повествует писатель о деятельности различных "новых помпадуров". Так, один из них, Быстрицын (рассказ "Зиждитель"), помпадур "чухломской школы", возмнивший себя Петром Великим, мечтает решить все вопросы, разводя коров, свиней и т.п. "Рыбоводство, скотоводство... и тут же рядом, так сказать, во главе всего... помпадурство! Как ты соединишь это? Каким образом устроишь ты так, чтобы помпадурство не препятствовало скотоводству, и наоборот?" — задает вопрос рассказчик, подводя читателя к мысли, что даже самые плодотворные замыслы в соединении с принципом помпадурства превращаются в свою противоположность (П, 190). Как отрицание всей системы правительственно-административного произвола звучат слова писателя о пагубности действий помпадуров, чего бы они не касались, пусть даже устройства фаланстеров: "Сколько он перековеркает, сколько людей перекалечит, сколько добра погадит, покамест сам, наконец, попадет под суд! А вместо него другой придет, и начнет перековерканное расковерковать и опять возглашать: га-га-га! го-го-го! Ведь были же картофельные войны, были попытки фаланстеров в форме военных поселений, были импровизированные декорационные селения, дороги, города? Что осталось от этих явлений! И что стояло их коверканье и расковерканье?" (П, 200).

В образе помпадура из рассказа "Он", деспота, ненавидящего все, что дышит, Шедрин отражает черты Муравьева-вешателя. "Какова смелость!" — восклицал М.А.Бакунин, познако-

мившись с этим рассказом^{12/}. И лишь один из помпадуров вызывает ощущение автора. Правда, рассказ о нем называется "Единственный" и имеет подзаголовок "Утопия". В мире помпадурства описываемое явление не только исключительно, единично, но и невозможно, о нем остается только мечтать. Изображенный в рассказе помпатур не совершает никаких великих дел, не творит активно добро. Он лишь не вмешивается, не препятствует, не пресекает, и тем самым приносит наивысшую пользу, какую только можно ожидать от помпадур.

Как итог размышлений Щедрина о правительственных реформах звучит рассказ о впечатлениях "Ямуцки принц" от поездки в Россию: "Ай-ай, хорошо здесь! <...> народ нет, помпатур есть-чисто! Айда домой реформа делать! Домой ежал, реформа начинал. Народ гонял, помпатур сажал; реформа кончал" (П, 238). Эти слова, завершающие цикл, — уничтожающе-саркастическая характеристика всей "эпохи великих реформ". Они как бы перекликаются с содержанием первых рассказов, обрамляя центральную часть цикла, оттеняя основную мысль его: реформы не улучшили положения народа, не поколебали основ самодержавно-бюрократического деспотизма.

"И С Т О Р И Я   О Д Н О Г О   Г О Р О Д А".

По-иному поставлена тема административно-правительственного произвола в "Истории одного города" (печаталась в "Отечественных записках" в 1869-70 гг., в 1870 г. вышла отдельным изданием). Здесь Щедрин не акцентирует вопроса

12/ ... в воспоминаниях..., стр.357.

о сходстве пореформенного и дореформенного помпадурства. Его задача другая: нарисовать обобщенный сатирический символ русского самодержавия. В "Помпадурах и помпадуршах" писатель более конкретен. Он изображает, хотя и в обобщенно-сатирической форме, определенный этап в развитии самодержавно-бюрократической машины, послереформенное помпадурство. В "Истории одного города" перед ним более общая цель: дать символическое обобщение наиболее характерных черт русского самодержавия, вне зависимости от времени, от каких-то частных особенностей, выразить сущность его, в какой-то степени освобожденную от конкретно-временных деталей.

"История одного города" — не историческая сатира. Шедрин вовсе не ставил перед собой задачи изобразить в сатирических тонах историю русского народа (в чем обвиняли его многие критики) или историю русского самодержавия. Правда, в книге есть много эпизодов, которые, казалось бы, позволяют истолковывать ее, как сатиру историческую. Ряд персонажей книги напоминает реальных исторических лиц, ряд ситуаций как бы повторяет определенные эпизоды русской истории. Так, рассказ о призвании глуповцами князей очевидно связан с летописным преданием о призвании на Русь варягов, "Сказание о шести градоначальницах" — с историей царствования русских императриц, Перехват-Залихватский, который въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки, похож на Николая I, Грустилов — на Александра I, Угрюм-Бурчеев — на Аракчеева, город Непреклонск — на аракчеевские поселения, Фунич и Мерзицкий — на Рунича и Магницкого и т.п. Несомнен-

но и то, что Шедрин в "Истории одного города" пародирует "Историю государства Российского" Н.М.Карамзина, труды реакционных историков, в частности, М.П.Погодина (не случайно, в самом начале книги, говоря о подлинности "Глуповского летописца", в котором изложена история Глупова, "издатель" упоминает погодинское древнехранилище - П,240). И тем не менее не верно было бы истолковывать "Историю одного города" как сатиру историческую. Сам Шедрин говорит об этом вполне определенно, подчеркивая, что "совершенно неправильно" приписывать ему "намерение написать историческую сатиру": "не "историческую", а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду, сатиру, направленную против тех характеристических черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобною" (П,391,392). Такое утверждение имело принципиальный характер. Писатель разъяснял, что его книга обращена не в прошлое, что она неразрывно связана с современностью и в ней поставлены самые злободневные вопросы дня, отражены самые "характеристические" черты самодержавия в целом. Шедрин вовсе не стремится проследить шаг за шагом историю царской России. Он нарочито нарушает хронологию, вводит подчеркнуто современные детали. Писатель отклоняет, как несущественные, упреки рецензентов, обвинявших его в плохом знании русской истории. Его занимают совсем другие вопросы: "отчего происходят жизненные неудобства", чем вызваны "необеспеченность жизни, произвол (<...> недостаток веры в будущее"? В более ранних произведениях Шедрина Глупов в какой-то степени олицетворял дореформенную, уходя-

щую Россию. В "Истории одного города" он превращается в зловещий сатирический символ самодержавной власти, символ огромной типической обобщенности и злободневности. Характерная особенность этой власти — произвол, полное пренебрежение к правам и нуждам человека. Сама история Глупова начинается с крика "Запорю!" (П, 250). Средством решения любых вопросов служит здесь грубая деспотическая сила. Лейтмотивом, сопровождающим всю историю глуповцев, являются звуки рожка, знаменующего приближение воинских команд, направленных на усмирение (П, 283, 288, 297, 301).

История Глупова оказывается не историей народа, а описанием "деяний" его правителей, градоначальников. Да и вообще, по словам летописца, история везде и во все времена описывала подвиги великих людей, насильников и деспотов, Неронов и Калигул. С наивной гордостью летописец замечает, что и в Глупове имеются свои "Нероны преславные, и Калигулы, доблестью сияющие", что в каждой луже можно найти "гада, который ироичеством своим всех прочих гадов превосходит и затемняет" (П, 241). Щедрин едко иронизирует над официальными историками, прославляющими "героев", царей и полководцев, которые на самом деле, как правило, враждебны народу, приносят людям лишь зло, совершают "мерзкие (<...> деяния" (П, 241). Он рисует обширную галерею местных "Неронов преславных", глуповских градоначальников. Некоторые из них изображены подробно, некоторые лишь перечислены, с краткой характеристикой, в "Описи градоначальников"; немногие из них сравнительно безобидны (майор Прыщ, с его фаршированной

головой), другие - агрессивно-воинственны. Но сущности вещей индивидуальные различия градоначальников почти не меняют. Все "секут обывателей", но одни "секут абсолютно", другие объясняют сечение "требованиями цивилизации", третьи желают, чтобы при сечении жители "положились на их отвагу" и т.п. (П, 239). Не меняют сущности вещей и цели, которые определяют действия градоначальников. Так, Бородавкин ведет вначале войны "за просвещение"; затем - "против просвещения". Но результат в обоих случаях оказывается один и тот же: разорение и гибель глуповцев. Даже самые безобидные и полезные рекомендации внедряются в Глупове посредством деспотизма и насилия, приводят к губительным результатам (одна из войн, которую вел Бородавкин, "имела целью разъяснить глуповцам пользу от устройства под домами каменных фундаментов" - П, 315).

Рисуя глуповских градоначальников, Шедрин широко использует прием заострения, гротеска, своеобразной сатирической фантастики. Так, у Прыща оказывается фаршированная голова, у Брудастого в голове помещается органчик, разыгрывающий несложные мелодии "Раззорю!", "Не потерплю!" и т.п. Однако, фантастика Шедрина отнюдь не уводила от действительности, от современности. Она являлась особой формой сатирической типизации, выражения жизненной правды. Конечно, на самом деле не было градоначальников с органчиком или фаршированной головой, но можно было найти сколько угодно людей, занимающих важные административные посты, весьма похожих на "героев" "Истории одного города". Все действия таких людей

легко подвести под мелодию "Раззоро! Не потерплю!", а головы их неслишком отличались от фаршированной головы Прыща. Фантастика Шедрина, широко применяемая и в других его произведениях, гротескно заостряла, концентрировала реальные черты, характерные для глумовской действительности.

Особенно отчетливо сущность этой действительности выразилась в Угрюм-Бурчееве. Его образ связывают обычно с фигурой Аракчеева, а в проекте построения города Непреклонска видят отклик на аракчеевские поселения. Такое толкование — верное, но оно не исчерпывает значения образа Угрюм-Бурчеева. Он отнюдь не сводится к сатирическому изображению Аракчеева (это противоречило бы самому замыслу современной сатиры, который так подчеркивал Шедрин), смысл его значительно шире. В Угрюм-Бурчееве в наибольшей степени сконцентрировано все мертвенное, механическое, бесчеловечное. Образ превращается в страшный символ власти, правящей Глумовым, с ее необузданным деспотизмом, безразличием к интересам людей, враждебностью ко всему независимому, своеобразному, вольному, не укладывающемуся в предписанные начальством рамки. Больше всего Угрюм-Бурчеев боится движения, самостоятельного действия. Потому так враждебна ему река. Она не подчиняется, движется, остается "живой", а ему так ненавистно всякое живое начало. В большей или меньшей степени подобное восприятие жизни свойственно всем глумовским градоначальникам. Но в Угрюм-Бурчееве оно как бы сфокусировано в одну точку, приобретает особо зловещий, античеловеческий смысл.

Как концентрированный Глупов, как дикий кошмар, возникший в уме душевнобольного и в то же время столь похожий на жизнь, появляется проект города Непреклонска, с одинаковыми улицами, одинаковыми домами-казармами; в каждом доме одинаковое количество одинаковых людей; они все делают по команде: по команде работают, по команде едят, по команде развлекаются. Все точно заранее распределено, предусмотрено, оценено. Везде безусловное повиновение. В каждом доме - шпион (на шпионе Угрюм-Бурчеев особенно настаивал). И над всеми "царит окруженный облаком градоначальник (...). Около него... шпион!!" (П,365). Этот "бред" - своего рода "поэзия" самодержавной власти, в то время как реальный Глупов - ее проза. Непреклонск - тот же Глупов, но еще более концентрированный, освобожденный от всего случайного, наносного, затемняющего сущность глуповских начал. В "Утопии" Угрюм-Бурчеева эти начала предстают в рафинированно-чистом виде. И самой характерной чертой их является, пожалуй, бесчеловечность. Люди исчезают, теряют всякое подобие индивидуальности, превращаются в пешки, послушно марширующие под команду начальства, каждый шаг их (вплоть до покроя одежды, до времени рождения детей) регламентируется властями, дома превращаются в "поселенные единицы" (П,365), все подчинено бездушному бюрократическому деспотизму, столь свойственному, по мысли Педрина, русскому самодержавию. Но смысл изображенной картины оказался более глубоким: он перекликался с будущим, с событиями, которые писатель, конечно, не мог пред-

видеть. Характерные черты Угрюм-Бурчеевщины, стремящейся превратить человека в человеко-единицу, отчетливо сказались через много лет после смерти Шедрина в теории и практике фашизма.

Для понимания проблематики "Истории одного города" важно уяснить отношение писателя к "глуповцам". Они оказываются, в общем, под стать их правителям. Если градоначальники, в зависимости от их характера, от веяний времени, по-разному секут, то "глуповцы" — по-разному "трепещут". Трепет перед начальством, покорность, неспособность к серьезному отпору определяют все поведение "глуповцев". Именно благодаря этим их качествам могут так куражиться над ними градоначальники. Многие критики упрекали Шедрина в том, что он в виде "глуповцев" изобразил русский народ, что он "глумится над народом". На самом деле нельзя отождествлять "глуповцев" и народ. "Глуповцы" — обыватели. Описывая их, Шедрин высмеивает те черты, которые были ему столь ненавистны в русском мещанине. Но, говоря о "глуповцах", следует учитывать и другое: в обрисовке их отразились мрачные размышления писателя в период нереволюционной ситуации о недостатках народа, о причинах, сковывающих его силы, позволяющих торжествовать реакции, дающих возможность подавлять революционный протест руками самого народа. В первую очередь это были раздумья о темноте, пассивности, "политической невоспитанности" ^{13/} русского крестьянства, о трагическом противоречии между субстанциональными возможностями его и

---

^{13/} В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, М., 1961, стр. 212.

реальным осуществлением этих возможностей. Такие раздумья, пристальное внимание к недостаткам народа характерны для всей революционной мысли периода неревлюционной ситуации. Они определили во многом и обрисовку "глуповцев" I4/.

Возражая одному из своих критиков, Шедрин писал, что существуют два понятия, выражаемых словом "народ": понятия "народа исторического" и "народа, как воплотителя идеи демократизма". Второму — "нельзя не сочувствовать", "в нем заключается начало и конец всякой индивидуальной деятельности", первый же, конкретно действующий "на прище истории", "приобретает сочувствие по мере дел своих. Если он производит Бородавкиных и Угрюм-Бурчевых, то о сочувствии не может быть речи; если он выказывает стремление выйти из состояния бессознательности, тогда сочувствие к нему является вполне законным, но мера этого сочувствия все-таки обуславливается мерою усилий, делаемых народом на пути к сознательности" (П, 394). Шедрин считает необходимым не затушевывать слабые стороны "народа исторического", даже тогда, когда эти стороны определяются условиями жизни, а обращать на них внимание. По Шедрину, важно понять происходящее, чтобы найти пути к изменению "порядка" русской жизни, который делает ее "не вполне удобною". Писатель знает, что "существуют и другие чер-

I4/ В самом названии Глупов сказывается просветительская точка зрения: существование общественных уродств объясняется глупостью народа (ср. с "Похвальным словом глупости" Э. Роттердамского и т.п.).

ты" народа, но "так как меня специально занимает вопрос, отчего происходят жизненные неудобства, то я и занимаюсь только теми явлениями, которые служат к разъяснению этого вопроса" (П,392).

В то же время, говоря о народной пассивности, о "глуповстве", Щедрин верит в победу над угрюм-бурчеевщиной, хотя и не считает, что такая победа близка, не представляет отчетливо путей, ведущих к ней. В ряде исследований о Щедрине конец "Истории одного города", рассказ об исчезновении Угрюм-Бурчеева рассматривается как иносказательное изображение революционных событий ^{15/}. В статье В.Е.Холшевникова "О развязке "Истории одного города" Щедрина" ("Учен.зап." ЛГУ, серия филолог. н., № 229, вып.30, 1957) высказана иная, довольно убедительная, точка зрения: в сцене исчезновения Угрюм-Бурчеева речь идет вовсе не о революционных событиях, а о дальнейшем усилении реакции, о приходе "чрезвычайных бедствий". И тем не менее в книге отчетливо звучит мысль о том, что угрюм-бурчеевское начало не может торжествовать вечно. Даже "глуповцы" в конце-концов ощущают, что больше нельзя так жить, "что далее дышать в этом воздухе невозможно" (П,379). Растет недовольство, назначение шпионов становится каплей, которая переполнила чашу. Знаменательно, что Щедрин обращал внимание рецензента на страницы, описывающие это недовольство, возражая на упрек, что он рисует лишь пассивный народ (П,393-4).

---

^{15/} См., напр., В.Кирпотин, М.Е.Салтыков-Щедрин, 1948, стр.174.

Но особенно ясно вера Щедрина в то, что угрюм-бурчеевское не сможет победить человеческого, выразилась в образе реки, которая свободно течет, неудержимо сметая препоны, воздвигнутые на ее пути Угрюм-Бурчеевым. Ее нельзя остановить, ввести в предусмотренное начальством русло. Она живет, движется, не повинуется и торжествует победу живого начала над мрачной угрюм-бурчеевщиной. Писатель не знал, какой будет эта победа, когда наступит она, какие пути к ней ведут. Но он твердо верил в нее. Это определяет, несмотря на горькие раздумья автора, оптимистичность "Истории одного города".

"Г О С П О Д А Т А Ш К Е Н Т Ц Ы"

Тема самодержавной власти, деспотического произвола поставлена и в "Господах ташкентцах". Очерки, входящие в этот цикл, печатались в "Отечественных записках" с 1869 по 1872 г. Отдельной книгой "Господа ташкентцы" изданы в 1873 г. Значительную часть цикла составляют очерки "Ташкентцы приготовительного класса", в которых подробно описывается формирование "ташкентцев". Вторая часть книги, "Ташкентцы в действии", Щедриным не была написана. Но, в сущности, большинство произведений сатирика можно рассматривать как осуществление замысла 2-ой части "Ташкентцев".

Чрезвычайно важную роль в книге играет подробное, занимающее свыше 70 страниц "Введение", где выясняются общие проблемы, связанные с "ташкентством". В "Господах таш-

кентцах" речь идет об исполнителях, о формировании "деятелей", осуществляющих на местах управление, о характерных особенностях этих деятелей. Ташкент, в числе других среднеазиатских городов, в то время был недавно завоеван русским самодержавием. У Щедрина он становится символом отдаленных глухих окраин царской России, где деспотизм и беззаконие проявлялись особенно беззастенчиво. Ташкентец — "цивилизатор" отдаленных окраин, чиновник, посланный насаждать при помощи кулака нужные правительству порядки. Но понятие "Ташкент", по мысли Щедрина, имеет и более широкий смысл. Это не только отсталая далекая провинция. "Ташкент" прекрасно уживается с железными дорогами, с гласностью, со всеми выгодами цивилизации. Следует лишь добавить к этим выгодам "маленькое слово: фю-ить! — и вы получите такой Ташкент, лучше которого желать не надо" (Ш, 25. Слово "фю-ить!" у Щедрина выражает неограниченность административного произвола, полную необеспеченность прав человеческой личности. При помощи этого короткого словца, возможность пользоваться которым предоставлена только начальству, можно насильственно прекратить любую полезную деятельность, отправить в отдаленные места любого из неугодных людей и т.п. Оно поистине обладает магической силой. — П.Р.). Щедрин считает, что "Ташкент" существует везде, где попирается человеческая личность, где царит беззаконие и деспотизм, где господствует кулак, грубая сила, где властью пользуются люди, готовые беспрекословно выполнять любое приказание начальства. Особенно неза-

менимы они, когда нужно кого-то "обуздать", "подтянуть", "согнуть в бараний рог", что-то разрушить: "Как термин отвлеченный, Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам, и где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гонящем" (Ш, 24).

Как "термин отвлеченный" Шедрин употребляет и слово "ташкентец". Это не только чиновник, посланный для управления окраинами. "Ташкентец" - тот, кто повсюду бьет по зубам, кто управляет при помощи словечка "фю-ить", кто помогает поддерживать основы существующего порядка. Формы "ташкентства" чрезвычайно разнообразны. "Ташкентцами" могут быть и педагоги, и благотворители, и литераторы, и публицисты. Шедрин подробно анализирует сущность "ташкентства". Он рассказывает о реакционном литераторе Кукольник, который однажды очень точно изложил историю Литвы и, в ответ на удивление слушателя, добавил: "прикажут - завтра же буду акушером" (Ш, 6). В этих словах, по мысли Шедрина, выражена сущность отношения "ташкентцев" к любому делу, мера особого рода их "талантливости", находящейся в теснейшей зависимости от "приказания". "Ташкентцы" готовы в любой момент взяться за любое, самое незнакомое им дело, если им только "прикажут": "Ежели мы не изобрели пороха, - саркастически замечает писатель, - то это значит, что нам не было это приказано; ежели мы не опередили Европу на поприще общественного и политического устройства, то это означает, что и по сему предмету никаких распоряжений не последовало. Мы не виноваты. Прикажут - и Россия завтра же покроется школами и университетами;

прикажут - и просвещение, вместо школ, сосредоточится в полицейских управлениях. Куда угодно, когда угодно и все, что угодно (<..>). Везде порядки, везде твердое сознание, что толкаться не велено. Но прикажите - и мы изумим мир дерзостными поступками" (III, 6). Щедрин едко высмеивает убеждение властей, что для выполнения любого дела не требуется особых знаний, специальной подготовки, что нужна лишь "готовность", умение "подтянуть". "Талантливость" "ташкентцев", по мысли писателя, может быть "плодотворной" лишь при "простоте задач", стоящих перед ними. "Кукольник знал, что говорил, когда вызывался хоть сейчас быть акушером. Он понимал, что здесь предстоит акушерство самое упрощенное, или, лучше сказать, не столько акушерство, сколько выражение готовности" (III, 10). Там, где нужно создавать реальные ценности, "ташкентцы" бессильны. Они могут лишь разорять, запрещать, стирать с земли, обуздывать: "Представьте себе такой случай: директор департамента призывает к себе столоначальника, и говорит ему: "Любезный друг! Я желал бы, чтоб вы открыли Америку". Я не берусь утверждать, чтоб столоначальник осмелился возражать, но он все-таки поймет, что открытие Америки совсем не его ума дело. Поэтому, всего вероятнее, он поступит так: разошлет во все места запросы, и затем постарается кончить это дело измором. Но пускай тот же директор тому же столоначальнику скажет: "Любезный друг! Я желал бы, чтобы вы всех этих Колумбов привели к одному знаменателю!" Вы не успеете оглянуться, как Колумбы подлинно будут обузданы, а Амери-

ка так и останется неоткрытой" (III, 12). Особенно благоприятная среда для "ташкентцев" — засилие бумажной бюрократической волокиты, отсутствие интереса к живому конкретному человеку. "Долгое время, — утверждает Шедрин, — профессии представляли у нас сферу совершенно отвлеченную, основу которой составляли не люди, а тени (...). Речь шла не об действительной участи людей, а о решении уравнений с одним или несколькими неизвестными" (III, 8).

Сферы действия "ташкентства" весьма различны. Но в конечном итоге, в этом одна из его характернейших особенностей, оно кончается "человеком, который ест лебеду" (III, 20), т.е. народом. Именно на этого человека обрушивается "ташкентство" всех родов и видов. И движет "ташкентцами" лишь одно стремление, которое воодушевляет этих "горилл": "жрать!! Жрать, что бы то ни было, ценою чего бы то ни было!" (III, 22).

Шедрин понимает, что "Ташкент" процветает, что он отнюдь не является чем-то умирающим, отжившим свой век. Писатель далек от всякого рода оптимистических иллюзий. Он оценивает весьма мрачно перспективы на будущее: "Я, конечно, был бы очень рад, если б мог (...) сказать: читатель! смотри, вот издыхающий Ташкент! Но, увы! Я не имею в запасе даже этого утешения! Конечно, я знаю, что есть какой-то Ташкент, который умирает, но, в то же время, знаю, что есть и Ташкент, который нарождается вновь. Эта преемственность Ташкентов, поистине, пугает меня" (III, 25).

По мнению писателя, любые цели, достигающиеся при помощи "ташкентских" приемов, не могут быть оправданы. "Я вижу людей, — с грустью пишет он, — работающих в пользу идей несомненно скверных и опасных и сопровождающих свою работу возгласом: пади! задавлю! и вижу людей, работающих в пользу идей справедливых и полезных, но тоже сопровождающих свою работу возгласом: пади! задавлю!" (Ш,25). С горечью замечает Щедрина, что в условиях России того времени он не видит рамок, "в которых хорошее могло бы упразднить дурное без заушений, без возгласов, обещающих задавить<...>и песимисты, усматривающие в будущем достаточно длинный ряд Ташкентов, тоже не совсем неправы в своей безнадежности. Утешительного в этом объяснении немного" (Ш,26).

Но взгляд Щедрина на будущее отнюдь не безнадежен. Вскрывая сущность "ташкентства", его корни, говоря, что оно может встречаться в разные времена, в разных странах, писатель видит в самом ясном понимании того, что такое "ташкентство", залог освобождения от него. Понять явление порочное, вредное, по мысли Щедрина, "значит наполовину предостеречь себя от него" (Ш,23). В своей книге сатирик не только изображает "ташкентство", но и вступает с ним в непримиримую борьбу. Эта борьба ведется, в первую очередь, во имя "человека, который ест лебеду". Щедрина говорит о "страдательной среде", которая служит предметом всякого воздействия, т.е. о народе. Именно то или иное воздействие на эту среду определяет, по мнению писателя, значимость исторических героев. Щедрина меряет таких героев мер-

кой соответствия их деятельности народным интересам. Понять народную среду, помочь ей – вот задача, которую выдвигает Щедрин и перед литературой. Писатель едко высмеивает утверждения защитников крепостного права, что после его отмены мужик совсем перестал трудиться, начал пропивать в кабаке последние гроши. Подневольный труд или кабак – такой единственный выбор, который, по мнению "ташкентцев", стоит перед мужиком. Естественно, большинство из них склоняются в пользу подневольного труда. Щедрин не идеализирует народ, не старается скрыть его темных сторон, в том числе пьянства. Но он подчеркивает, что, если крестьянин предпочитает кабак труду, то для такого предпочтения должна быть какая-то веская причина. Писатель подводит читателя к выводу, что в условиях "Ташкента" труд крестьянина обогащает других, что мужику невыгодно добросовестно трудиться: "Труд выгоден – это афоризм очень основательный, но нельзя же понимать всякий афоризм буквально<...>Какая это выгода, с которой идет речь? Общая или частная? Если это общая выгода, то не слишком ли понятие об ней отвлеченно<...>Если же это выгода частная, то чья именно?" (Ш, 35). С решением подобных вопросов, с уничтожением тумана, который окружает проблемы жизни и благосостояния народа, Щедрин связывает все свои надежды.

"ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛА
В ПЕТЕРБУРГЕ"

В 1872 г. писатель печатает в "Отечественных записках" сатирическое обозрение "Дневник провинциала в Петербурге",

вышедшее в следующем году отдельной книгой. Здесь затронута тема опошления, оподления общества в период реакции. По мысли Щедрина, правительственная реакция накладывает отпечаток на общество, порождает определенную общественную атмосферу. В свою очередь, эта атмосфера, тлетворно влияющая на значительную часть общества, укрепляет и усиливает правительственную реакцию. Об атмосфере общественной реакции и идет речь в "Дневнике провинциала в Петербурге". Петербург Чернышевского и Добролюбова сменяется Петербургом ресторанов, кафе-шантанов, фривольной оперетты. Будто о новости первостепенной важности говорит весь город о том, как артистка "Шнейдерша", выступая в оперетте Оффенбаха "Синяя борода", чешет себе бедра и ноги. Смысл жизни многих людей начинает определяться следующим кодексом: "пьем, танцуем, поем и любим" (Ш, 256). Именно такие времена характеризовал Некрасов в поэме "Современники": "Бывали хуже времена, но не было подлей" (Н.А. Некрасов, Полн. собр. соч., и писем, М., т. Ш, стр. 89).

Причину всеобщего разложения Щедрин объясняет и атмосферой реакции, и крушением после реформы старых крепостнических отношений. Привычный прежний уклад разрушается, но крепостное право, по словам Щедрина, "еще живет в сердцах наших", от него отрешились лишь "внешним образом", успокоившись "на одном формальном признании факта упразднения" (Ш, 266). "Живучесть идеалов недавно упраздненного прошлого" — вот первый итог, к которому приходит писатель, наблюдая современную жизнь (Ш, 480). Помещики-крепостники,

Дракины и Хлобystовские, не переродились. Они остались прежними. Лишенные всяких "начал", даже тех, которые существовали при крепостном праве, они закружились в вихре столичной жизни, прокучивая выкупные деньги, окончательно разоряясь. С надеждой мечтают они об упразднении "свобод", о возвращении к прошлому, сочиняя проекты "О расстреливании и благих оногo последствиях", "О переформировании де сиянс академии" (Академии Наук) и т.п. В первом проекте, между прочим, предлагается уничтожить "всех несогласно мыслящих" (Ш,278), во втором — чтобы академия не столько распространяла, сколько "рассматривала" науки, выделяя вредные, запрещая и отменяя их, ссылая ученых "для продолжения наук, в отдаленные и малонаселенные города" (Ш,306).

Едко высмеиваются в "Дневнике провинциала в Петербурге" и либералы. Характерные черты русского либерализма Щедрин сатирически обобщает в уставе Вольного Союза Пенкоснимателей. Обязанностью членов Союза провозглашается "По наружности иметь вид откровенный и даже смелый, внутренне же трепетать" (Ш, 353). Пенкосниматели не пропускают ни одного современного вопроса, рассуждают обо всем, но с таким расчетом, "чтобы никогда ничего из сего не вышло" (Ш,353). Иногда пенкосниматели жалуются на стеснение свободы слова, на "карательные меры", мешающие им якобы высказать свою точку зрения. По мысли Щедрина, подобного рода жалобы совершенно несостоятельны; смелый и откровенный вид пенкоснимателей объясняется лишь стремлением

не растерять подписчиков, сущность же их рассуждений определяется ориентировкой на цензуру, идейной близостью с реакцией. Сатирик утверждает, что "положение пенкоснимателей относительно так называемых "карательных мер" самое благонадежное", что нельзя поверить в препятствия свободе "тянуть канитель", что вообще и "пенкосниматели, и их случайные каратели (т.е. реакционеры — П.Р.) стоят так близко друг к другу, что серьезной вражды между ними невозможно предположить" (Ш, 382). Оптимистические высказывания, рассуждения о прогрессе, о славном настоящем и еще более славном будущем, о том, что "не прежнее нынче время" (Ш, 347) — характерная особенность пенкоснимателей. Они отлично чувствуют себя в атмосфере реакции. Лидер их, Менандр Прелестнов, редактор газеты "Старейшая всероссийская пенкоснимательница" (прототипом его был В. Корш, редактор либеральных "Санкт-Петербургских ведомостей") восторженно восклицает: "Как легко дышится!", "как светло живется!" (Ш, 347), хотя и сам понимает, что вокруг — мерзость, что в газете его печатается "слюноточивая канитель" (Ш, 376). Больше всего пенкосниматели боятся за свою шкуру: "в нас воплощается либеральное начало в России! — говорит Менандр Прелестнов. — Следовательно, нам прежде всего надо поберечь самих себя, а потом позаботиться и о том, чтоб у нашего бедного, едва встающего на ноги общества не отняли и того, что у него есть!" (Ш, 366).

С разложением старого дворянско-крепостнического уклада связано и появление нового, буржуазного хищничества.

Тема буржуазного хищничества затрагивается в "Дневнике провинциала..." с первых страниц, с разговоров о концессиях, которые слышит рассказчик в вагоне, приближаясь к Петербургу (Ш, 242-43). Тема эта проходит затем через всю книгу, перекликаясь с темой разврата, дворянского вырождения. Не случайно разговоры о бедрах Шнейдерши и мечты о железнодорожной концессии отлично сочетаются друг с другом (Ш, 247). Размышления о "хищнике", о "новом ветхом человеке", как об "истинном представителе нашего времени" (Ш, 498) подводят итог всему циклу.

Такого рода размышления все чаще встречаются у Щедрина. Тема капиталистического хищничества все отчетливее звучит в его произведениях 1870-1880-х гг. Она неразрывно переплетается с темой оскудения, вырождения дворянства. Эти две темы, отражая реальные жизненные противоречия, определяли творчество многих русских писателей послереформенного времени (Островского, Некрасова, Г. Успенского и др.). Чрезвычайно значимы они и для Щедрина.

Образ нового хищника, рожденного развитием буржуазных отношений, намечен сатириком еще в середине 50-х гг., в "Губернских очерках" (купец Хрептигин). Но именно в 70-е-80-е годы этот образ начинает занимать в творчестве Щедрина, как и в жизни, первостепенное место.

"Б Л А Г О Н А М Е Р Е Н Н Ы Е Р Е Ч И"

Темы буржуазного хищничества и разложения помещичьего уклада в значительной степени определяют содержание цикла

"Благонамеренные речи". Но в этом цикле затрагиваются и более общие проблемы. Шедрин стремится показать, что "основы", на которых зиждется современное общественное устройство (собственность, семья, государство), насквозь прогнили, что их, в сущности, давно уже нет. Поэтому "принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются" (из письма к Е.И.Утину от 2 января 1881 г. Н.Шедрин, Полн.собр.соч., т.ХІХ, 1939, стр.185-186). Принцип семейственности писатель рассматривает специально в "Господах Головлевых", принцип государственности - в "Круглом годе", принцип собственности - во всех произведениях, посвященных теме буржуазного хищничества. В то же время, посвящая то или иное произведение разоблачению какого-нибудь одного принципа, Шедрин, как правило, затрагивает в каждом цикле и остальные принципы. В итоге получается чрезвычайно широкая и цельная картина несостоятельности всех основ, всех начал, во имя защиты которых власти проводят всяческие "обуздания".

"Благонамеренные речи" печатались в 1872-76 г. в "Отечественных записках" и вышли отдельной книгой в 1876 г. С первого их очерка и до последнего звучат в полную силу темы дворянского оскудения и усиления буржуазного хищничества. Уже по очерку "В дороге", открывающему цикл, можно сделать вывод, что на смену старому хищнику приходит новый. Везде, где хозяйство остается в руках помещика, - "все запущено, все заглохло; на всем печать забвения и сирот-

ливости" (IУ, 22). Характерен образ и самого рассказчика, разоряющегося дворянина, история его имени Чемезова, постепенно пришедшего в полный упадок: "Упала оранжерея, замерз грунтовый сарай, заглох сад, перевелся скот<...>Потом сначала в одной из комнат грохнулся потолок, за нею в другой комнате... Птицы и град повыбили из окон стекла, крыша прожавела и дала течь" (IУ, 105). Об оскудении дворянства свидетельствует и рассказ о старом Утробине ("Отец и сын"), и образы дворянской интеллигенции, неприспособленной к жизни, пассующей перед новыми хищниками (Кандауровский барин, читающий книжки и тем кажушийся подозрительным; Оширин с его безрезультатными попытками помочь крестьянам; Анпетов, решивший своими руками обрабатывать землю и т.п.). Дворянские интеллигенты часто обрисованы так, что вызывают симпатию читателя. Они противопоставлены миру хищничества, но слишком уж слабы, беспомощны, обречены на поражение. И только отдельные представители старого дворянского уклада приспособляются к новому хищничеству, переняв его методы, скупая за бесценок у разоряющихся помещиков леса и земли, устраивая кабаки и т.п. ("Кузина Машенька"). Есть еще, правда, и иной путь. Им идет Коронат, сын Машеньки: он рвет все нити, связывающие его с семьей, отказывается заниматься юриспруденцией, переходит самовольно на медицинский факультет. Мать отрекается от него. Он обречен на холод, голод, всяческие лишения, но не желает покориться ("Непочтительный Коронат"). Шедрин горячо сочувствует таким людям, но их мало, и вряд ли они представляют реальную силу.

Хозяевами положения оказываются новые хищники. Прозвывают усадьбы, проданные за бесценок помещиками немцам-предпринимателям: "Чуть только клочок поуютнее, непременно там немец копошится<...>И все это только еще пионеры, разведчики, за которыми уже виднеется целая армия"(IY,27). Богатеют и иностранцы-предприниматели, и русские купцы-толстосумы. Все беднее становится старый генерал Утробин, бывший губернатор, всесильный и всевластный, все богаче - его прежний управляющий, кабатчик и вор Антон Стрелов. В конце концов имение Утробина полностью переходит в руки Стрелова. Первым человеком в округе оказывается Хрисаша (Хрисанф Полушкин), бывший приказчик, ныне владелец роскошного имения, хозяин двенадцати кабаков, ловкий мошенник и проходимец ("Опять в дороге"). Доволен своей судьбой и Пантелей Егоров, "из шельмов шельма" (IY,61), хозяин первоклассного "питейного заведения", к которому переходит имение бывшего богача, предводителя дворянства Морковкина ("Охранители"). Все эти обогащения основаны на самом наглom мошенничестве, которым открыто восхищаются. Честный человек воспринимается как дурак. Умный - тот, кто сумел другого надуть, обвести вокруг пальца.

Особенно рельефный портрет нового хищника нарисован в рассказе "Столп". Имя героя рассказа, Дерунова, стало нарицательным. Оно, в ряду других щедринских имен (Разуваевы, Колупаевы), символизирует сущность русского капитализма. Дерунов, в прошлом мещанин, мелкий скупщик, разбогател, как и другие новые хищники, в послереформен-

ное время. Все шире размах его операций. Он превращается в монополиста, в хозяина целой губернии, прибирает к своим рукам винокуренные заводы, винные склады, кабаки, торговлю лесом, хлебом, скотом. Дерунов и ему подобные становятся оплотом власти, столпами общества: "Теперь Дерунов - опора и столп. Авторитеты уважает, собственность чтит, насчет семейного союза нимало не сомневается" (IV, 93). Когда доходит дело до интересов его кармана, Дерунов может даже обвинить каждого в неблагонадежности, в измене интересам отечества. "Скажи пожалуй, - стачку затеяли! - говорит он о крестьянах, отказавшихся продавать ему хлеб за бесценок, - да за стачки-то нынче, знаешь ли, как! <...> Нет, брат! <...> Бунтовать не позволено! <...> Мне для чего хлеб-то нужен? <...> В казну, сударь, в казну я его ставлю! Армию, сударь, хлебом продовольствую! А ну, как у меня из-за них <...> хлеба не будет! Помирать, что ли, армии! По-твоему, это не бунт!" (IV, 101). Такие люди почувствовали свою силу. На них опираются власти, понимающие, что Деруновы - единственная прочная почва (на помещика уже надежда плохая). Новые хищники оказываются первыми в ряду "охранителей". Они грубо "тыкают" бывшим своим хозяевам. Их хищничество оказывается еще грубее, наглее, безобразнее, чем хищничество дворянское. От них плохо приходится дворянским интеллигентам. Так, Пантелей Егоров докладывает начальству, что Царначев "самый вредный господин-с" в округе (IV, 62), что нужно его "взять <...> на замечание" (IV, 66), так как он ратует за школу и против кабаков.

Насквозь прогнили и сами основы; "во имя которых стесняется общественное развитие", и "столпы", поддерживающие эти основы. Оказывается, что в реальной жизни таких основ не существует; Дерунов, который ратует за них на словах, на деле не думает подчинять им свое поведение. Он чтит лишь свою собственность, а с собственностью крестьян, разоряющихся дворян обращается самым беззастенчивым образом. Не "столп" он и с точки зрения государственного и семейного принципов: "он не столп относительно собственности, ибо признает священною только лично ему принадлежащую собственность. Он не столп относительно семейного союза, ибо снохач. Наконец, он не может быть столпом относительно союза государственного, ибо не знает даже географических границ русского государства" (IV, IIЗ). С сарказмом и болью говорит писатель о "патриотизме", который прекрасно сочетается с набиванием собственного кармана, с продажей родины оптом и врозь, с вахканалией воровства и взяточничества ("Тяжелый год"). Россия, по мысли Шедрина, остается, как и прежде, большой тюрьмой. Бюрократ новейшего времени, исправник Колотов, при всей его джентельменской наружности и либеральных словах, в сущности тот же Держиморда: "Да, именно Держиморда! Почищенный, приглаженный, выправленный, но все такой же балагур, готовый во всякое время и отца родного с кашей съесть, и самому себе в глаза наплевать..." (IV, 4I). Как страшного суда ждут встречи с родиной возвращающиеся из-за границы путешественники. Мрачным итогом звучат слова одного из них,

завершающие цикл: "Ну, теперь, брат, крепко! <...> Теперь, брат, ау! уж никуда не убежишь!" (IV, 447).

"УБЕЖИЩЕ МОНРЕПО"

Тема капиталистического хищничества затронута писателем и в цикле "Убежище Монрепо", печатавшемся в "Отечественных записках" в 1878-9 гг. и вышедшем в 1880 г. отдельным изданием. Как часто бывает у Шедрина, рассказчик, совсем не похожий на автора, выражает ряд авторских мыслей (аналогичных рассказчиков встречаем мы и в циклах "Благонамеренные речи", "За рубежом" и др.). Рассказ ведется от лица разоряющегося помещика Погорелова (характерна его фамилия), относительно интеллигентного, но потерявшего под собой почву, называющего себя "пропащий человек" (У, III) ^{16/}. Погорелов изо всех сил старается отгородиться от окружающего, сохранить остатки своего имения, небольшую усадьбу Монрепо (франц. *mon repos* - мой отдых, мой покой. Название приобретает нарицательный смысл. Оно подчеркивает, что речь идет о типично-дворянской усадьбе). Для этого Погорелов готов унижаться перед властями, заискивать перед становым Грациановым. Но все его усилия тщетны: хозяйство разваливается, приносит убытки. В конце концов Погорелов вынужден продать Мон-

---

^{16/} В цикле "Убежище Монрепо" отразились наблюдения Салтыкова, вынесенные из неудачного опыта хозяйствования в подмосковном имении Витнево и в Лебяжьем (близ Ораниенбаума).

репо Разуваеву. "Культурный человек" оказывается совершенно неприспособленным к жизни в послереформенной деревне, к волчьим отношениям, складывающимся в ней, к новым хищникам. Такие хищники, Разуваевы, Колупаевы, Груздевы, приобретают все большую силу и власть. Препный Егорка, состоявший когда-то у помещика в "прохвостах", превращается сперва в Егора Ивановича, содержащего кабака, опутавшего кабалой деревню, а затем - в Егора Ивановича господина Груздева, мечтающего о том, как бы "ему "банку" устроить и вконец родную палестину слопать" (У, 83). Устами рассказчика Шедрин провозглашает наступление "чумазого", наглого, с цепкими руками, ненасытной утробой, для которого существует одна истина "распивочно и на вынос" (У, III). "Чумазый" может усвоить внешние признаки культурного человека, "сморгаться не в горсть, а в платок" (У, 53). Но это не меняет сущности нового буржуазного хищника, для которого ни общество, ни отечество, ни правда, ни свобода не важны, а важно одно - "только грош" (У, II3).

По словам Догорелова, мучительство "чумазого" даже хуже, чем мучительство крепостное: то было ужасно, но имело, по крайней мере, определенный район, каждый помещик мучительствовал в пределах овсей усадьбы. Мучительство "чумазого" "есть мучительство вселенское, не уличимое, не знающее ни границ, ни даже ясных определений. Ужели это прогресс, а не наглое вырождение гнусности меньшей в гнусность сугубую?" (У, II8).

Наступление "чумазого" поддерживают власти. Тема слияния интересов "чумазого" и "охранителей", представителей власти звучит в цикле весьма отчетливо. С едкой иронией говорит Шедрин об одном из таких "охранителей" становом Грацианове. Рассказчик вспоминает о прежних, дореформенных временах. Становых тогда и за глаза и в глаза называли "куроцапами". Им высылали стопку водки, гнушались посадить с собой за стол. Такие становые вызвали презрение, но не страх.

Новый, послереформенный становой, на первый взгляд, отличается от своих предшественников. Он хорошо одет, внешне интеллигентен, произносит возвышенные слова, у него имеется даже "образ мыслей". "Вообще, я полагаю так, - говорит Грацианов, - мы, становые, обязываемся держаться не буквы, а смысла <...> Свободы больше! Свободы!" (У,40). Но в сущности Грацианов не лучше, а хуже прежних "куроцапов". Те хоть не претендовали на многое, "взимали даки, а в прочее время пили без просыпу" (У,38). Грацианов же рассуждает об "основах" и "краеугольных камнях", которые нужно защищать от "неблагоденных". Ему даже не требуется для обвинения "поступков", так как он собирается "в сердцах читать", улавливать "тайные намерения и помысления" (У,42).

И дореформенная, и послереформенная Россия оказывается в полном подчинении то ли у "куроцапов", то ли у Грациановых. От них некуда спрятаться, они - везде. С младенческих лет человек воспитывается в духе беспрекослов-

ного подчинения им. "Всю жизнь я, - говорит рассказчик, - ничего другого не видел перед собою, кроме начальников; всю жизнь мне твердили: тупа арифметика, косноязычна грамматика, ежели нет в сердце спасительного, начальственного трепета" (У, 60). Эти люди, в руки которых вручена судьба народа, бесполезны, вредны для него: "Ходят люди в мундирах, ничего не создают, не оплодотворяют (...). Какое занятие может быть легче и какой удел - слаще?" (У, 70).

Щедрин рисует целую галерею помощников таких "сердцеведов": это кабатчики, публицисты, церковники. Не случайно "батюшка" восторженно хвалит Грацианова, порицая рассказчика за самые умеренные проявления "либерализма". Само упоминание слова "свобода" кажется ему чем-то "предосудительным". Он готов рассматривать как "неблагоданмеренный" малейший намек на кабатчиков, мироедов.

Поддерживают "охранителей", приветствуют приход "чумазого" и продажные публицисты, стремящиеся всячески оправдать засилие кабатчиков и менял: "Никогда не было потрачено столько усилий на разъяснение принципов собственности, семейственности и государственности, никогда с такою настойчивостью, с такими угрозами не было говорено о необходимости ограждения этих принципов" (У, 113). Как и в "Благонанмеренных речах", в "Убежище Монрепо" ставится вопрос о несостоятельности тех принципов, о которых кричат защитники существующего порядка, требуя "обузданий", уничтожения "свобод". На примере Разуваева, как прежде на примере Дерунова, писатель показывает, что "чумазый" не "столп": ни в отноше-

нии собственности, ни семейственности, ни государственности (У, I27, I3I, II8).

Уже здесь возникает тема "благонамеренности воинствующей". "Благонамеренность выжидательная" все более не устраивает Грациановых и их помощников. "Ничего-то не делать все мы мастера, - говорит рассказчику "бабушка", - а надо было делать, и притом так, чтобы богу было приятно" (У, 95). От подобных сентенций, от письма приятеля Погорелова Ивана Косушкина (он отвел в своем доме квартиру для "полицейского чина", днем и ночью держал окна настежь, чтобы все было видно и слышно, истребил книги и газеты, выписал "Московские ведомости" и купил гитару - II0) тянутся нити к "Современной идиллии".

Но, говоря о засилии кабатчиков и "охранителей", о том, что царство "чумазого" только начинается, что Разуваевы, Колупаевы только входят в силу, Цедрин верит, что мироедский период, как крепостничество в свое время, изживет себя и погибнет: "изноет и мироедский период" (У, II9). Писатель утверждает право человека на счастье, на удовлетворение своих страстей. Он солидаризуется с идеями утопического социализма, с "теорией страстей" Фурье, с "разумным эгоизмом" Чернышевского I7/: "Принцип утех - великий принцип; которому суждено вечно пленять человеческие сердца, и ежели тут есть

I7/ Отношение Цедрина к европейскому утопическому социализму и его русским последователям - вопрос важный, сложный и, к сожалению, мало разработанный. Автор частично касается его в статье "Цедрин и Чернышевский", подготовленной к печати.

беда, то не в том, что люди желают наслаждаться утехами, а в том, что по обстоятельствам эти утехи нередко получают характер звериный и человеконенавистнический" (У, II9). Шедрин понимает, что новый, счастливый период наступит очень не скоро, что человечеству придется пережить много жестокого, "долго оставаться безмолвным свидетелем всякого рода бесстыжеств" (У, II9). Но, в конечном итоге, люди все же должны избавиться от таких "бесстыжеств". И силу для этого избавления, для того, чтобы жить, чтобы действовать, они могут черпать в любви к родине. Начав "резюме" Погорелова в сатирических тонах ("Люби отечество, чти государство, повинуйся начальникам") писатель заканчивает его всерьез, от своего имени, завершая цикл следующими словами: "А главное все-таки: люби, люби и люби свое отечество! Ибо любовь эта даст тебе силу и все остальное без труда совершить" (У, I32).

"ЗА РУБЕЖОМ"

К вопросу о буржуазном хищничестве, о судьбах и путях пореформенной России Шедрин возвращается и в цикле "За рубежом", единственном произведении писателя, специально посвященном изображению иностранной жизни, отразившем впечатления автора от заграничных поездок второй половины 70-х гг. Цикл "За рубежом" печатался в 1880-81 гг. в "Отечественных записках" и вышел отдельным изданием в 1881 г. В 1887 г. в Париже опубликован французский перевод книги, который, в

связи с ее успехом, пришлось в том же году дважды переиздать. Русское и французское издания "За рубежом" имелись в личной библиотеке К.Маркса, свидетельствуя об его интересе к шедринской критике буржуазных порядков Европы. В то же время "За рубежом" — это и раздумья о России. Именно они определяют во многом авторское восприятие Запада.

Повествование ведется от лица рассказчика, путешествующего по Европе. Но часто за обликом рассказчика возникает сам Шедрин, с его наблюдениями, раздумьями, выводами.

Первые впечатления рассказчика от заграницы — явно благоприятные. Как только поезд оставляет позади Россию, из окна вагона видны "буйные хлеба", изобильные луга, чистые избы с выбеленными стенами и черепичными крышами, хорошо обработанные поля. Нравится рассказчику и Париж: чистый, светлый, свободно двигающийся город, с веселым солнцем, веселым воздухом, веселыми улицами и площадями (У,234).

Но, глядя на благоустроенные избы, прекрасно обработанные поля, путешественник понимает, что здесь "идет речь совсем не о распределении богатств, а исключительно о накоплении их; что эти поля, луга и выбеленные жилища принадлежат таким же толстосумам — буржуа, каким в городе принадлежат дома и лавки, и что за каждым из этих толстосумов стоят десятки кнехтов (немецк. батрак, работник — П.Р.), в пользу которых выпадает очень ограниченная часть этого красивого довольства" (У,143). Оказывается, что "кнехты" существуют и в Германии и в России. И там и там их эксплуатируют хищники. В Германии — это господин Гехт

(немецк. шука), в России – господин Колупаев. Все более неприглядной представляется путешественнику буржуазная Европа. Как символ тупости, самодовольства, казенной прямолинейности, серости и скуки возникает в книге образ Берлина, с прусской военщиной, упоенной победой над Францией, мечтающей о новых агрессивных походах, с солдатами, которые учат "по-русску... на всяк случай" (У,172). При виде прусского офицера, самовлюбленного, с выпяченной грудью, от которого тесно становится на улице, путешественник чувствует себя плохо, вспоминает гоголевского Держиморду. Ему кажется, что Берлин создан для одного – для "человекоубийства" (У,172).

Но и ученые, собранные в Берлинском университете, по мнению путешественника, не слишком отличаются от офицеров – Держиморд. Они не будят мысль, не воспитывают в своих слушателях человечности, не просвещают их, а лишь стремятся подыскать обоснование "для истины уже утвержденной и официально признанной таковой", "придумывают оправдательные теории в пользу совершившихся фактов и скромно пользуются присвоенным им отличным содержанием" (У,178).

Не вызывает симпатии и буржуазный Париж. С этим городом, с Францией у путешественника с юности, с 1840-х гг., связывалось представление о чем-то светлом, лучезарном, определяющем в известной степени жизнь. Для путешественника и его сверстников Франция когда-то воспринималась как колыбель революции, "великих принципов 1789 года" (У,229), идей человечности, утопического социализма, теорий Сен –

Симона, Фурье, Кабе, Луи Блана, Жорж Занд. Не вызывает сомнения, что Шедрин в этих воспоминаниях о молодости, о симпатиях к революционной Франции автобиографичен. Образ рассказчика и облик самого писателя сливаются здесь воедино. Вообще в цикле "За рубежом" такое слияние встречается весьма часто.

Современный буржуазный Париж оказывается совсем не похожим на юношеские представления путешественника о нем. Он "перестал быть светочем мира и сделался сокровищницей женских обнаженностей и съестных приманок. Нечего было ждать оттуда, кроме модного покроя штанов..." (У,232). В Париже 1875 г., как и в Берлине, путешественник встречает "кайральские окрики" (У,233), засилие тупой военщины, тяжелое наследие деспота, "бандита" — Наполеона III, в виде "организованной шайки, которая и теперь изъявляет готовность во всякое время с легким сердцем рвать на куски свое отечество" (У,233). С сарказмом и гневом говорит Шедрин о хозяевах современной Франции, сытых, довольных собой буржуа, которым не под силу ни героизм, ни идеалы. Буржуа "слишком отяжелел, чтоб не пугаться при одной мысли о личном самоотвержении, и слишком удовлетворен, чтоб нуждаться в расширении горизонтов. Он давно уже понял, что горизонты могут быть расширены лишь в ущерб ему..." (У,264).

"Республика сытая, солидная", "республика без республиканцев", с сытыми буржуа во главе, в тылу и во флангах" — вот как характеризует писатель современную Францию (У,254, 272). Он показывает иллюзорность ее "свобод", в частности,

знаменитого suffrage universel (всеобщего избирательного права), которое и во времена Наполеона III, и во времена республики неизменно и безошибочно позволяет избирать депутатов, угодных властям. Не случайно такая республика приводит в восторг и русского реакционера, графа Твёрдоонто, и Бисмарка (У,256).

С негодованием пишет Шедрин о современном буржуазном искусстве, литературе: на смену писателям больших, гуманных идей, Жорд Занд, Гюго, пришли натуралисты, рабски копирующие действительность, угождающие читателю-буржуа, создающие произведения, стоящие на грани порнографии. Как образец такой литературы, приводится Э.Золя, его роман "Нана". "Вижу забор - говорю: забор; вижу поясницу - говорю: поясница. И при этом непременно облает Виктора Гюго..." - вот "принципы", которых, по мнению путешественника, придерживаются "натуралисты" (У,270). Оценка Шедриным творчества Золя во многом несправедлива, но само отношение сатирика к буржуазному искусству, порвавшего с свободолобивыми традициями, угождающему вкусам буржуазии, верно и прогрессивно. Упреки Шедрина можно вполне отнести, если не к самому Золя, то к его эпигонам, которые довели до абсурда принципы натурализма 18/.

Как страшный ночной призрак возникает перед глазами

18/ Отношение Шедрина к Золя было сложным. Сатирик осуждал роман "Нана", выступление Золя в качестве теоретика натурализма. Но деятельность Золя-романиста Шедрин признавал "весьма замечательной" (Полн.собр. соч., т.XIV, стр.202).

путешественника картина промышленной Бельгии, с ее светящимися городами, с громадами фабрик, наполненных рабочими, "изнемогающими под игом тьмы и проказы", голодающими и дикими, ненавидящими всех, "у кого нет проказы" (У, 333).

В то же время путешественник именно с рабочими, с народом связывает свои размышления о возможных преобразованиях буржуазного устройства. Говоря о французской "республике без республиканцев", путешественник выражает сомнение "доволен ли ею французский рабочий" (У, 256). Критика современной Франции направлена именно в адрес буржуазии, о рабочих здесь речь не идет. Шедрин нарочито разграничивает буржуазию и рабочих, указывая, что только на последних можно возлагать какие-нибудь надежды: "в предлагаемом этюде о французах я исключительно разумею французскую буржуазию, которая в настоящее время представляет собой управляющее сословие <...> Я допускаю, конечно, что "народ" представляет собой материал, гораздо более заслуживающий изучения, нежели угрожающий лопнуть от пресыщения буржуа..." (У, 256-7).

Правда, надежды высказываются в виде предположений, "общих и довольно туманных догадок" (У, 257). Путешественник говорит о своем незнании жизни французского народа, о поверхностном знакомстве с бытом городских рабочих. Тем не менее догадки его сводятся к тому, что рабочие недовольны существующим порядком, что они вряд ли благодарны буржуа за те объедки, которыми питаются: "Думаю <...> что особенного повода для благодарности не имеется, и ежели бедняк

въявь не выказывает своей враждебности по поводу обедков, то, по секрету, все-таки прикапливает ее" (У,261). Не очень веря в рабочее движение, ставящее целью "положить конец владычеству буржуазии" (У,272), отмечая, что пока еще узки его рамки, неопределенны шансы на успех, путешественник тем не менее лишь на народ, на рабочих возлагает свои надежды о возможности хотя бы отдаленного выхода из тупика.

Резко критикуя порядки буржуазной Европы, Шедрин в цикле "За рубежом" отнюдь не прикрашивает положения русского народа. Любопытно сопоставить книгу "За рубежом" с произведениями Г.Успенского об европейской буржуазии, в первую очередь с очерком "Больная совесть". В описании картин современной ему Германии, Франции, Бельгии, в критике буржуазных порядков Успенский иногда чуть ли не текстуально совпадает со Шедриным. Но, относясь резко отрицательно к существовавшему в России общественно-политическому устройству, Г.Успенский, в связи со своими народническими концепциями, с общим представлением о гибельности пути капиталистического развития, приходит к выводу: в России, при всей ее внутренней неразберихе, спутанности понятий, отсутствии ясности, все же лучше, чем в капиталистической Европе, с ее буржуазной античеловеческой ясностью и определенностью. "Нет, у нас лучше!", — повторяет писатель ^{19/}. Шедрин решает вопрос по-иному. Он понимает хищническую сущность немецких Гехтов, русских Колупаевых, французских буржуа. Он

---

^{19/} Г.И.Успенский, Полн.собр.соч., изд.АН СССР, т.4, 1949, стр.336-337.

не отдает предпочтения одним перед другими (у Успенского хозяйский приказчик Куприянов человечнее западного капиталиста). В то же время Шедрин считает, что Россия уже идет по пути капиталистического развития, что такой путь закономерен, относительно прогрессивен, что избежать его невозможно. Не случайно "мальчик без штанов" (символ нищей и темной крестьянской России) в конце цикла получает штаны от Разуваева. Писатель не связывает с этим фактом, символизирующим капитализацию России, радужных надежд, но он и не ужасается ему.

При сравнении самодержавно-деспотического и буржуазного устройства писатель признает все же некоторое преимущество последнего, хотя и видит всю условность и относительность такого преимущества. Шедрин неоднократно сопоставляет положение русского крестьянина-бедняка и европейского работника-кнехта. И то и другое оказывается незавидным. В Германии "нет распределения, но есть накопление", в России - "тоже нет распределения, но нет и накопления" (У, I45). Вряд ли второе можно предпочесть первому. Тем более, что за Европой, по мнению путешественника, остается "одно важное преимущество, а именно: общее признание, что человеку свойственно человеческое" (У, I45). Шедрин не обольщает себя надеждами, столь характерными для народничества, что в России "не может быть пролетариата, ибо у нас каждый бедняк есть член общины и наделен участком земли" (У, I44).

Однако, дело не ограничивается признанием относительного преимущества европейского устройства при сравнении с деспотическим произволом и нищетой самодержавной России. Сопоставляя судьбу немецкого кнехта и русского крестьянина, Шедрин приходит к весьма любопытным выводам, сформулированным, в первую очередь, в сцене "Мальчик в штанах и мальчик без штанов". "Мальчик без штанов", как уже упоминалось, — символ нищего русского крестьянства, обираемого нагло и безнаказанно, "Мальчик в штанах" — немецкие и вообще европейские кнехты, эксплуатируемые своими хозяевами, но получающие за свою работу определенное вознаграждение, достигшие уровня относительного благосостояния. На первый взгляд кажется, что положение "мальчика в штанах" значительно лучше. Никто не мешает его родителям "быть трудолюбивыми", никто не заставляет производить такие действия, которые ни на что не нужны; из них не "выбивают податей", не совершают над ними экзекуций; они усердно трудятся и земля возвращает этот труд сторицею. Нельзя не согласиться с "мальчиком в штанах", когда он утверждает, что лучше уж скучно говорить, "нежели вести веселый разговор и в то же время чувствовать, что нахожусь под следствием и судом!" (У, 160). "Мальчик в штанах" продает душу господину Гехту, но на законных основаниях, по договору, за грош. Совсем по-иному идет жизнь "мальчика без штанов". Полная зависимость от произвола, дикость, нескладица, пьянство, отсутствие всякой определенности, разумных оснований — вот характерные черты этой жизни (здесь можно даже отца на кобе-

ля променять). Со всех сторон "мальчика без штанов" окружает начальство, которое беспрестанно понукает, ругается, а то и "при сходе спину взбондируют"(У, I61). Он не избавлен от эксплуатации местного Гехта, Колупаева, еще более дикой, бесстыдной, беззаконной, чем та, которой подвергается "мальчик в штанах", не определяемой никакими точно зафиксированными условиями. У него даже штанов нет. Если Гехт покупает души за грош, то Колупаев берет их "совсем задаром" (У, I64). Шедрин, как и Успенский, противопоставляет ясности и определенности европейских буржуазных отношений российскую неразбериху и спутанность. Он не идеализирует первых, но далек от всякого сочувствия вторым. Но дело оказывается сложнее. Слишком уж филистерски доволен своей судьбой "мальчик в штанах", слишком уж уверен он в незыблемости существующих порядков. Он считает, что иначе нельзя, что старшим нужно покоряться не за страх, а за совесть. Он гордится своими штанами, но в то же время готов покорно снять их: "если б моим добрым родителям угодно было лишить меня этого одеяния, то я не иначе понял бы эту меру, как в виде справедливого возмездия за мое неодобрительное поведение. И, разумеется, употребил бы все меры, чтоб вновь возвратить их милостивое ко мне расположение!" (У, I60).

"Мальчик без штанов", хотя его реальное положение значительно хуже, далек от признания святости правил, незыблемости авторитетов. Отношения с Колупаевым не представляются ему вечными, священными: "об этом мы еще поговорим..."

Надоел он нам, го-спо-дин Ко-лу-па-ев!" (У, I64). Он верит: "будет и на нашей улице праздник", "С Колупаевым мы сочтемся..." (У, I64, I65). Его не купить "гороховицей на свином сале". По его мнению, в России хоть "шаром покати, зато занятно" (У, I64). "Мальчик без штанов" считает, что отдав Колупаеву душу "задаром", "не за грош", он сможет ее "назад взять" (У, I66).

Путешественник солидарен с "мальчиком без штанов": "Мальчик в штанах" во многом был прав. Гороховица со свиным салом воистину слаще, нежели мякинный хлеб, сдобренный одною водой <...> Но он был неправ, утверждая, что все эти блага цивилизации настолько ценны, чтоб за них можно было "по контракту" закрепить душу. В этом отношении, по мнению моему, "Мальчик без штанов" правее <...> Положим, что его душа, точно так же как и немцева, не принадлежит ему в собственности, но он не продал ее за грош, а отдал даром. Как хотите, а это очень и очень интересная разница" (У, I80, I81).

По мысли Шедрина, европейский уклад — уклад прочно установившийся, без перспектив изменения. В Берлине "самые камни вопиют: завтра должно быть то же самое, что было вчера" (У, I80). В России сплошное безобразие и беззаконие. Там по малейшему поводу, а часто и без повода, выворачивают руки к лопаткам и сажают в "холодную". В Европе в "кутузку" так просто не сажают, но по существу это дела не меняет. "Благо странам, — саркастически замечает путешественник, — которые, в виде сдерживающего начала, имеют в своем распо-

ряжении кутузку, но еще более благо тем, которые, отбыв время кутузки, и ныне носят ее в сердцах благодарных детей своих" (У, 183). Россия, по мнению Шедрина, относится к странам, имеющим "кутузку"; буржуазные государства Европы — к странам, в которых носят "кутузку" в сердце своем, веря "в незыблемость ее руководящих свойств" (У, 183). Как символ покорного, несущего тяжелое бремя народа, в книге возникает образ русской лошади, которую почти не кормят, заставляют выполнять непосильную работу и беспощадно бьют кнутом. Немецкая лошадь тоже работает, но ее кормят, она почти не знает кнута. Однако, преимущество это относительное. Немецкая лошадь знает "историю кнута", она примирилась с тем, что должна возить тяжести и везет их не за страх, а за совесть. Положение русского народа, по Шедрину, хуже европейского, но в то же время — перспективнее. В отсутствии ясности, определенности заложена возможность установления более разумных начал. Сама беззастенчивость и постоянность произвола может уничтожить страх перед ним: лошадь так много бьют, что иногда она "и бояться перестает" (У, 183). Характерно, что образ заморенной лошади, как символ русского народа, встречается в творчестве Шедрина неоднократно. Его использует писатель в начале февральской хроники "Нашей общественной жизни" за 1864 г., в сказке "Коняга" и т.п. Вероятно, этот образ как-то перекликается с образом "смирной лошади" из статьи Чернышевского "Не начало ли перемены?" (Н.Г.Чернышевский, Полн.собр. соч., М., 1950, т.УП, стр.881). У Шедрина иной акцент, чем у Чернышевского.

Он подчеркивает, в первую очередь, пассивность, покорность лошади. Но в цикле "За рубежом" писатель все же надеется, что в какой-то момент, хотя и не скоро, лошадь, привыкшая к кнуту до того, что и бояться его перестала, может стать непокорной.

Критикуя буржуазную Европу, Шедрин ни в малейшей степени не идеализирует административно-политического устройства самодержавной России. С едким сарказмом рисует он образы старых, дореформенных администраторов, Удава и Дыбы. Уже в именах их подчеркивается кровожадность, безжалостная жестокость. Но и их преемники, послереформенные "бесшабашные советники", ничуть не лучше Удава и Дыбы. Они говорят о конституции, об "увенчании здания" (У, 193), но все эти разговоры, по мнению путешественника, могут "разрешиться уставом о кантонистах" (У, 195). Не случайно земский деятель, "земец", встреченный рассказчиком в конце путешествия, "проезжий Марат", как его иронически называет автор, заставляет вспомнить даже Удава и Дыбу с известной симпатией. У тех был хоть какой-то образ мыслей. Они, ратуя за "подтягивание", как главный метод управления, признавали, что иногда можно немного и "поотпустить". Они несколько стыдились "подтягивания", старались оправдать его теоретическими соображениями. Современный деятель, "земец" тоже до краев преисполнен "подтягивания", но уже нет у него ни обстановок, ни ссылок, ни стыда, так что "подтягивание" является совершенно самостоятельной бессмыслицей, не имеющей ни причин, ни предмета" (У, 343).

Наступление реакции знаменует фигура графа Твёрдоон-то, прототипом которого, видимо, был известный мракобес, Д.А.Толстой. Граф считает, что с последствиями неурожая нужно бороться при помощи окриков, расторопных исправников, экзекуций. Он сторонник суровости, твердости (это подчеркивается и его фамилией, в которой одновременно содержится намек на Толстого: "Т" в славянской азбуке - "твёрдо", "о" - "он"), хочет "вырвать с корнем плевела" (У,213), "чтоб никто ничего не говорил" (У,211). Если ему дать волю, "он непременно учинит что-нибудь до того неизгладимое, что впоследствии ни под каким видом не отскоблить" (У,205).

Как символ крайнего обскурантизма, неприкрытой военной диктатуры, ненавидящей просвещение, считающей, что все вопросы нужно разрешать при помощи грубой силы, кулака, возникает образ генерал-майора Отчаянного, который готов появиться в любой кризисный момент и гаркнуть: "а кто вам, такие - сякие, разрешил не в свое дело нос совать... брысь все!" (У,246).

С болью и возмущением говорит Шедрин о существующих в России порядках: там готовы снисходительно отнестись к вору, но каждый человек, беспокоящийся не о своем, а об общем, кажется подозрительным, неблагонадежным, (мнение, что уголовное преступление приемлимее для властей, чем "образ мысли", будет развито Шедриным в "Современной идиллии"). Всякое веяние, выходящее в какой-то степени за рамки обыденного, официально признанного, по словам писателя, "всегда представляется у нас чем-то злостным, требующим

не регулирования, а подавления, и притом всегда же сопрягается с представлением о "зачинщике" (У, 201).

С горькой иронией описывается положение науки, целиком зависящей от властей. Иногда те отдают распоряжения, поощряющие "быстрых разумов Невтонов", но чаще бывает наоборот: следует приказ об усилении цензурного надзора, "дабы впредь Невтонам проявлять себя неповадно было" (У, 214). Упомянув о новом цензурном уставе, о судах, которые, согласно этому уставу, должны рассматривать литературные дела, Шедрин замечает, что многое пришлось испытать ему за время литературной деятельности, но в "кутузке" он ни разу не сидел: "не придется ли познакомиться с кутузкой теперь, когда литературу ожидает покровительство судов?" (У, 221).

В цикле рассказывается о беспринципной реакционной официальной "науке", готовой оправдать все, что угодно, обосновать любое действие начальства. Автор вспоминает о профессоре, который старался доказать своим ученикам, "что кнут есть одна из форм, в которых высшая идея правды и справедливости находит себе наиболее приличное осуществление" (У, 178). Когда же кнут заменили трехвостной плетью, профессор с прежним пафосом распространялся о том, "как скорбела высшая идея правды и справедливости, когда она осуществлялась в форме кнута, и как ликует она теперь, когда, с соизволения высшего начальства, ей предоставлено осуществляться в форме трехвостной плети" (У, 178).

По мысли сатирика, реакция торжествует, чувствует себя все более уверенно, все решительнее преследует свободную мысль, правду. Щедрин включает в цикл диалогическую сценку: "Торжествующая свинья или разговор свиньи с правдой" ^{20/}. Непосредственным поводом для этой сценки, видимо, послужили черносотенно-погромные статьи катковских "Московских ведомостей" после убийства Александра II в марте 1881 г. Характерно, что Катков счел необходимым ответить Щедрину. В 193 № "Московских ведомостей" (1881) он поместил анонимную статью "В мире курьезов", специально остановившись на 6-7 главах цикла "За рубежом" и тем самым разоблачая себя. Но образ свиньи приобретает у Щедрина и более общий смысл, вырастая в символ всей торжествующей реакции. Свинье наплевать на то, права или не права на самом деле правда. Она жаждет крови, нападает, гложет правду, которая оказывается беззащитной. Свинья требует расправы, призывает судить правду "своим", "народным" судом (У,309). Характерно, что "публика", присутствующая при этой сцене, — на стороне свиньи, а не правды: "Публика приходит в неистовство. Слышится со всех сторон: Любо! Нажимай, свинья, нажимай! Гложи ее! Чавкай! Ишь ведь, распостылая, еще разговаривать вздумала!" (У,309). В этой сценке отразились

20/ Такого рода сценки часто включаются автором в текст цикла "За рубежом": "Граф и репортер", "Мальчик в штанах и мальчик без штанов" и др.

раздумья Щедрина о том, что правительственная реакция опирается на реакцию общественную, что трудная обстановка вызывает оподление значительного числа людей, готовых не только подчиниться реакции, но и горячо поддержать ее. Подобные раздумья об ответственности каждого за происходящее; об отсутствии активного общественного протеста, отпора "торжествующим свиньям" неоднократно встречаются в книге. Так, рассказывая о профессоре, проповедующем пользу кнута и трехвостной плети, писатель замечает: "Он говорил, и его не тошнило, а мы слушали, и нас тоже не тошнило" (У, 178). Молчание способствует совершению преступления, а молчание становится его соучастниками. Щедрин говорит об обществе, в котором все мысли сосредотачиваются "исключительно на одном: на спасении "шкур" (У, 334). Такое общество, по мысли писателя, "не может прийти ни к безопасности, ни к спокойствию, ни даже к простому благочинию... Ни к чему, кроме бессрочного вращения в порочном кругу тревог и в конце концов... самоумерщвления" (У, 335).

Отрицая всю систему общественно-политического устройства России, Щедрин все время с любовью вспоминает о родной стране. Не случайно при осмотре памятников Европы путешественника не покидают мысли о саранче, опустошающей русские поля (У, 138). Не случайно утверждает он, что "никто так страстно не любит своей родины, как русский человек, который "носит ее с собою везде, куда бы ни забросила его капризом судьба" (У, 276). Путешественник решительно отделяет понятие любви к родине от графа Твердоонто и ему

подобных. Он связывает эту любовь с болью сердца, с раздумьями о ненужности "ежевых рукавиц", с мыслями о неестественности порядков страны, где сперва "слышится: отныне вы можете открыто выражать ваши мысли и желания, а следом затем: а ну-те, посмотрим, как-то вы будет открыто выражать ваши мысли и желания!" (У, I45).

" К Р У Г Л Ы Й   Г О Д "

В произведениях Шедрина, в которых идет речь о несостоятельности принципа "собственности", о гнилости и античеловечности буржуазных отношений, обычно затрагивается и принцип "государственности". С проблемой "государственности" связано вообще все творчество Шедрина. Специально "на принцип государственности" написана им книга "Круглый год". Она публиковалась в "Отечественных записках" 1879 г. и вышла отдельным изданием в 1880 г. "Круглый год" написан в форме дневниковых записей, делаемых рассказчиком I-го числа каждого месяца. Записи ведутся от лица старого литератора, который, как часто бывает у Шедрина, высказывает мысли автора, хотя и не тождественен с ним. Главная тема цикла - несостоятельность "принципа государственности", в том его понимании, которое характерно для защитников существующего порядка, в первую очередь, для молодых администраторов. Они часто говорят о патриотизме, о том, что "la patrie...c'est sacré!"²¹ (Полн. собр. соч.

21/Франц. Родина...это святое.

М.Е.Салтыкова, т.9, СПб., 1892, стр.471). Они обвиняют "не-
благонамеренных" в отсутствии любви к родине, не понимая
даже, "что это за штука, которая называется отечеством",
"какие обязанности последнее налагает на детей своих"
(т.9, 470,471). Эти юноши воспринимают слово "отечество"
лишь в одном плане: с этим словом связано представление о
карьере, о доходах и окладах, о возможности проявлять свое
"молодечество", "обуздывать" и требовать повиновения. Им не
чужда идея "отечества", "но какого отечества? - того, кото-
рое все стерпит, да вдобавок еще и денег даст" (т.9, 471).
"Отечество - пирог" - вот их идеал (т.9, 472). Не случайна
опечатка в телеграмме, полученной молодым администратором
Феденькой Неугодовым: "Vendez Russie, vendez vite"^{22/}(т.9,
462). Карьеристы, подобные ему, часто обращаются к словам
"родина", "отечество" и т.п., но лишь потому, что знают:
эти слова "небесполезные", они хорошо звучат "в парадных
случаях, в ушах начальства" (т.9, 470).

С горечью говорит Шедрин о порядках, насаждаемых властя-
ми, об отсутствии каких-либо прочных оснований, о спутанно-
сти понятий, о "непредвиденности", неясности того, что мож-
но ожидать от будущего. "Свободно-то даже очень свободно<...>
никогда так свободно не дышала грудь моя<...>И вдруг - ка-
кая-то неприятная дрожь, - саркастически замечает рассказ-
чик. - А что, дескать, коли, по обстоятельствам, придется
вверх ногами ходить?" (т.9, стр.465-466). Он зло высмеивает

22/ Франц. Продавай Россию, продавай скорее.

то неожиданное осмысление, которое приобретают в сфере насилия и произвола самые возвышенные слова: "У нас радикалы своеобразные; у нас радикалами называются преимущественно те, которые особливую пользу приносят по части пресечения и предупреждения" (т.9, 493). Подобного рода "радикалы" требуют принять "решительные меры", "чтоб каждый знал, что Кузьку Кузькой зовут" (т.9, 541). Конечно, такие "меры" никакой пользы не приносят. Они безрезультатны, "когда нужно было указать на действительно больное место. Но за то никто свободнее нас не плавал в океане так-называемых общих мероприятий. Оно и легко, и лестно" (т.9, 541).

Перед читателем возникает страшная картина общества, в котором "гад" взял силу (т.9, 632). Слова "Господи! Да неужто-ж это не кошмар!" - звучат лейтмотивом в последней главе, подводя итог всему циклу (т.9, 625, 632, 633). Героем дня оказывается предатель, подонок Саша Ненарочный, прославившийся тем, что в тринадцатилетнем возрасте, по "наущению" товарища, ходил "волновать" деревню, был "высечен папенькой", раскаялся и "откровенно рассказал, как было дело", "человек с пятьсот оговорил" (т.9, 587, 585). Всеобщей популярностью пользуется Демидрон, увеселительное заведение, в котором публичные женщины, состоящие одновременно на службе в полиции, рассуждают о добронравии, благонамеренности и патриотизме. На каждом шагу можно встретить шпика: доносят слуги, "репортеры", "публицисты". Слуга Филипп, по совместительству "репортер" "секретной газетки", становится "властителем наших дум и регу-

лятором нашей благонамеренности" (т.9, 625). Люди боятся говорить, боятся молчать ("как еще не молчание-то посмотреть! все говорил да говорил, и вдруг - молчок! с какой целью? почему?" - т.9, 619), боятся всего, боятся все; "разве я один боюсь?- говорит рассказчик. - Нет, все боятся, все до единого" (т.9, 565).

Большое место в цикле уделено литературным вопросам. Положение литератора оказывается в высшей степени незавидным. Для властей он - "ядоносец", "разбойник печати", "подрыватель основ и краеугольных камней", торгующий "заблуждениями" (т.9, 483). Его надо постоянно держать в узде. С иронией замечает рассказчик, что любая правительственная комиссия, какой бы вопрос она ни рассматривала, "все-таки кончит тем, что займется литературой (<...>ее "вредным направлением" (т.9, 485). Власти в принципе не возражают против литературы, но им решительно не нравится критическая направленность ее. Им "и нужна самостоятельность (литературы - П.Р.), и не нужна, то-есть нужна "известная" самостоятельность. И нужна критика, и не нужна, то-есть опять-таки нужна "известная" критика!" (т.9, 523). Феденька Неугодов разъясняет, какая литература приемлема для начальства: "все охотно допускают, что литература должна играть очень серьезную роль, что она может даже помощь оказывать, но именно помощь, а не противодействке" (т.9, 523). Неугодов возмущен тем, что литература якобы стремится подорвать "священнейшие основы нашего общества" (т.9, 524). Он хотел бы, чтобы она гово-

рила " о предметах возвышенных, вызывающих парение", а не занималась "холодным перечислением язв" (т.9, 527). Если же писатель знакомит с "явлениями неутешительными", он должен рядом показать факты "иного порядка", которые предвещали бы "скорый и вожделанный конец этой неутешительности" (т.9, 527).

Подобным мнениям, реакционным нападкам на литературу Щедрина противопоставляет свои доводы о необходимости свободы писателя, о праве его на критику, на сатиру, на изображение темных сторон. "Дифирамб", по мнению Щедрина, не должен пользоваться "никакими особыми привилегиями" (т.9, 573-74).

С любовью и верой говорит писатель о литературе: "Счастлива та страна, в которой процветает литература", "литература изъята из законов тления, она одна не признает смерти" (т.9, 493, 495). С литературой связаны самые дорогие для Щедрина чувства: "Я страстно и исключительно предан литературе <..> литература есть то единственное, заповедное убежище, где мысль человеческая имеет всю возможность остаться честною и незапятнанною" (т.9, 521). В книге провозглашается право литературы на свободу, на "непрекосновенность", на независимость от "сферы пресечения и предупреждения" (т.9, 521). Даже возможные "заблуждения" литературы не оправдывают вмешательства административного произвола: "литература имеет право допускать заблуждения, потому что она же сама и поправляет их", "я признаю литературу всецело, со всеми уклонениями и осложнениями, даже с московски-

ми кликушами^{23/} <...> ведь они пройдут, исчезнут, растают, и наверное одни только усилия честной мысли останутся незбылимыми" (т.9, 519, 521).

Сатирик говорит о своем собственном творчестве, о содержании написанных им произведений, о сочувствии читателей-друзей, хорошо понимающих его мысли. Он упоминает о тех трудностях, с которыми приходится встречаться в условиях России того времени любому честному писателю, чтобы, преодолевая цензурные рогатки, сохранить верность правде жизни: "ежели в писаниях моих и обретается что-либо неясное, то <...> разве только манера ... Моя манера писать есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель, берясь за перо, не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей. Еще древний Эзоп занимался таким обдумыванием, а за ним и множество других шло по его следам" (т.9, 571).

Щедрин не смог осуществить до конца замысел "Круглого года". 2-го апреля 1879 г. А.К. Соловьев стрелял в Александра П. Правительство ответило на покушение страшным террором. Главу "Первое мая" писатель открывает словами: "Апрель был ужасен. Это был месяц какой-то неизобразимой паники". "Страшным годом" называет Щедрин 1879 год. Наступление реакции вынудило писателя изменить первоначальные планы; "беседы эти, — отмечает он, — должны были от-

---

23/ Подразумеваются московские реакционные публицисты, в первую очередь, сотрудники издания Каткова.

ражать в себе злобу дня и в то же время служить поводом для воспроизведения некоторых типов, которые казались мне небезинтересными. Я должен, однакож, сознаться, что ни того, ни другого я не выполнил" (т.9, 6II). Тем не менее, "Круглый год" звучит суровым осуждением правительственной реакции, общественного ренегатства, "начал" государственности, собственности, семейственности в том их понимании, которое доступно Неугодовым и Ненарочным. Этим началом Щедрин противопоставляет принципы "свободы, равноправности, справедливости" (Н.Щедрин, Полн.собр.соч., т.XIX, 1939, стр.185-86).

" ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ "

В письме к Утину, упоминаемом выше, объясняя замысел "Благонамеренных речей", говоря о принципах, во имя которых стесняется свобода, Щедрин называл среди них и принцип "семейственности", сообщая, что на этот принцип написаны им "Головлевы". Это замечание писателя дает ключ к "Головлевскому" циклу. Но смысл книги шире, чем проблемы "принципа семейственности". Рисую историю семьи Головлевых, Щедрин показывает разложение и гибель всего дворянско-помещичьего уклада.

Отдельные очерки, включенные позднее в "головлевский" цикл, входили первоначально в "Благонамеренные речи" ("Семейный суд", "По-родственному", "Семейные итоги",

"Перед выморочностью" -- впоследствии "Племяннушка"). Остальные рассказы цикла печатались с перерывами в "Отечественных записках" 1876-80 гг. В 1880 г. "Господа Головлевы" вышли отдельной книгой. В ней сохранилась сюжетно-тематическая связь с "Благонамеренными речами" (так, в последних упоминаются Головлевы, в "Господах Головлевых" говорится об Утробине и Анпетове, персонажах "Благонамеренных речей").

Перед читателями разворачивается широкая картина русской действительности. Изображен довольно продолжительный период, от предреформенного времени до 1877-78 гг. Рассказ ведется в форме семейной хроники, раскрывающей постепенное вымирание Головлевых. Предмет авторского описания -- дворянская усадьба и ее обитатели. Многие в книге, как и в "Пошехонской старине", автобиографично, связано с воспоминаниями Щедрина о детстве, о жизни в родовом поместье. Образ Арины Петровны отражает реальные черты О.М.Салтыковой, матери писателя.

В русской литературе середины 1850-х гг. встречается довольно много семейных хроник, в той или иной степени посвященных обрисовке усадебного быта ("Семейная хроника", "Детские годы Багрова-внука" С.Т.Аксакова, автобиографическая трилогия Л.Н.Толстого и др.). "Господа Головлевы" резко противопоставлены подобным хроникам, и по замыслу, и по тональности, и по выводам. Обычно общая тональность семейных хроник была светлой, восприятие жизни -- радостное (хотя иногда, как напр., у Аксакова, говорилось в них

и о вещах довольно мрачных). Речь, как правило, шла о молодости, о формировании и расцвете человеческой личности. У Шедрина совсем иное: история не расцвета, а вырождения и гибели, выдержанная в очень мрачных тонах.

Такую хронику можно сопоставить с западно-европейским романом, напр., с циклом "Ругон-Маккаров" Золя. Но Шедрина, в отличие от французского писателя, мало интересуют проблемы наследственности, физического вырождения. В "Господах Головлевых" вырождение определяется в первую очередь не биологическими и не психологическими, а социальными причинами, конкретными условиями предреформенной и послереформенной России. Гибнут не отдельные личности, не отдельная семья, а именно целый общественный уклад. Думается, что в другое время, на другом материале, с другими выводами проблематику "Господ Головлевых" повторил в "Деле Артамоновых" А.М.Горький.

В своей книге Шедрин рисует три поколения семьи Головлевых: Арина Петровна, ее дети и внуки. В первом поколении черты "выморочности", обреченности, по крайней мере на первых порах, незаметны. Арине Петровне свойственны цепкость, энергичность, расчетливость, но и деспотизм, своеволие, самодурство, определяемые материальной зависимостью от нее окружающих, неограниченными правами, отсутствием всякого противодействия. Именно она закладывает основы головлевского благосостояния, "с изумительным терпением и зоркостью" (IУ,454) округляя свою усадьбу, проявляя при этом недюжинную энергию, хитрость, доходя до известного

рода самоотверженности, отказывая себе во всем. К началу рассказа Арина Петровна — богатая и властная барыня, умело управляющая своим имением, привыкшая к подобострастию и лести. Но уже в это время в головлевской семье скрывается червоточина, которая приведет в дальнейшем к разложению и гибели. В семье нарушены естественные, человеческие отношения; характеры молодого поколения калечатся, искажаются. Семья еще кажется крепкой, но она начинает уже разрушаться. Корни разрушения определяются, в конечном итоге, социальным укладом, противоречиями крепостнической усадьбы. Пореформенные противоречия ускоряют этот процесс разложения и гибели. "Первый удар" власти Арины Петровны наносится отменой крепостного права, даже не столько отменой, сколько приготовлениями к ней, не столько факторами материальными, сколько морально-психологическими. Рухнет крепостной уклад, рухнут и те искусственные связи, "благодаря которым головлевская семья представлялась чем-то в роде неприступной крепости" (IV, 499). И из властной, бесконтрольной барыни Арина Петровна превращается в скромную приживалку, живущую в доме своего младшего сына.

Во втором поколении Головлевых черты "выморочности", обреченности видны уже совершенно отчетливо. Не случайно младшие Головлевы так не приспособлены к жизни, так быстро умирают. Бессмысленно гибнет дочь Арины Петровны, Аннушка. Умирает "постылый" старший сын, Степка-балбес. Перед нами подробно раскрыта история формирования этого человека, по своему талантливый, даровитый, но слишком легко воспринимающего впечатления, которые вырабатывала окружающая гни-

лая среда: "постоянное принижение, встречая почву мягкую<...> образовало характер рабский, повадливый до буффонства..." (IY, 456). Тем не менее Степка окончил университет, успешно сдал экзамены. Ни к какому делу он оказывается негодным. Жизнь быстро истремила его. В 40 лет он выглядит стариком, совершенно опускается, пьет запоем и умирает, исполненный тоски, отвращения, ненависти, но не способный на протест. Настоящее видится ему "в форме наглухо запертой тюрьмы" (IY, 491), а о будущем лишь одна мысль: "гроб! гроб! гроб!" (IY, 490). При этом совершенно очевидно, что Степка не родился таким, что он сделан окружающими обстоятельствами.

Спивается и погибает младший сын Арины Петровны, Павел, возненавидя общество живых людей, все головлевское, в особенности все, связанное с Порфирием-Иудушкой.

Еще отчетливее печать "выморочности" видна в третьем поколении Головлевых, которое гибнет совсем молодым. Кончает жизнь самоубийством доведенный до отчаяния, ненавидящий отца, сын Порфирия, Володя. Второй сын, Петя, растратив казенные деньги, лишенный семейной поддержки, умирает на пути в ссылку. Бегут из деревни, мечтая о жизни, непохожей на головлевскую, об артистической карьере, дочери Аннушки, Аннинька и Любинька. Но судьба провинциальной актрисы оказывается непохожей на девичьи мечты. Ничего светлого в детстве, пьяный, подлый угар, торговля своим телом, ощущение безысходности в настоящем, позор, нищета, улица в будущем — вот и вся жизнь внучек Арины Петровны. Как единственный выход, возникает мысль о самоубийстве. И хотя

Аннинька спаслась и возвратилась в Головлево, она получила лишь некоторую отсрочку у смерти. Жизнь выяснилась до конца, без луча надежды впереди; ненависть к настоящему, ненависть к прошлому, непреодолимая тяга к вину, которое все равно не дает забыться, хриплый кашель, сопровождаемый непрерывными проклятиями, "вечная, бесменная ночь" (IV, 680) и, наконец, горячка.

Но особенно отчетливо и подробно вырождение, "выморочность" Головлевых показана в образе среднего сына Арины Петровны, Порфирия, Иудушки, как прозвал его Степка-балбес. Образ Иудушки стал олицетворением хищничества, ханжества, жадности, двоедушия, страсти к наживе. Не только мать, братьев, сестру разорил и обездолил Иудушка. Он погубил и собственных детей, Владимира довел до самоубийства, Петра отправил в тюрьму. Иудушка наиболее цепкий из всех Головлевых. На первых порах кажется, что он, ловко устраивая свои дела, хорошо приспособлен к жизни, умеет побеждать своих соперников. Но победа Иудушки оказывается Пирровой победой, победой людоеда, съевшего всех своих близких, обреченного на гибель. Вся жизнь его состоит из злодеяний, кровопийства. Но они не приносят плодов, оказываются совершенными напрасно, даже с точки зрения интересов Иудушки. В конце он — одинокий и несчастный, лихоимство не пошло ему на пользу. Это не энергичный и смелый хищник, а мерзкий паук, убивший всех окружающих и убивающий затем сам себя.

Характерная черта Иудушки — лицемерное пустословие. Он лицемерит даже не оттого, что хочет кого-то обмануть. Ли-

лицемерие вьелось в него, стало его натурой. Он не может не лицемерить, даже когда не ожидает от этого никакой пользы для себя (сцены с умирающим Павлом - 516-17, с Петей - 564-6, с сыном Володей, отправляемым в воспитательный дом - 605, история с тарантасом - 529-30 и др.). Он лицемерит не только с другими, но и с самим собой. И лицемерие Иудушки неотделимо от его пустословия, от ханжеской религиозности, от мелочности, кляузничества. Каждый раз, сотворив очередную пакость, он обращается к имени бога. Не случайно крестьяне ненавидят Иудушку не столько за прямые притеснения, сколько за эту мелочность, кляузы, лживые и пустые слова. "Словами-то он сгноить человека может", - говорят они (IV, 604). Действительно, пустословие Иудушки напоминает смрадный, отвратительный гной. Шедрин обращает внимание читателей на то, что Иудушка вовсе не лицемер типа Тартюфа, героя одноименной пьесы Мольера. Тартюф лжет сознательно, преследуя свою выгоду; он сам знает, что лицемерит, что часто это и другим известно. Такое лицемерие, по мысли Шедрина, "всегда имеет яркую политическую или социальную окраску", так лицемерит любой современный французский буржуа, соловьем рассыпающийся "по части общественных основ" (IV, 538, 537). Лицемерие Тартюфа сатирик связывает с буржуазными отношениями. Совсем иначе объясняет он лицемерное пустословие Иудушки. Последний - "лицемер чисто-русского пошиба, то есть просто человек, лишенный всякого нравственного мерил", он "не столько лицемер, сколько пакостник, лгун и пустослов" (IV, 537, 539). Его действия - даже не

крупное хищничество, а бесконечные мелочные придирки и кляузы. У Иудушки нет "ни одной минуты свободной", он занят целый день. Но его занятость — лишь видимость деятельности, "внешние формы" труда. На самом деле Иудушка погружен в массу пустяков и мелочей, созданных им самим, "которую можно было, не переставая, переворачивать, без всякого опасения когда-нибудь исчерпать ее" (IY, 540). В склонности к подобной "деятельности" сказывается и прошлая служба Иудушки в департаменте, привычки "закоренелого чиновника, не допускающего, чтобы хотя одна минута его жизни оставалась свободной от переливания из пустого в порожнее" (IY, 540). Это переливание из пустого в порожнее — характернейшая черта Иудушки. При всей своей жадности и мелочности, он плохой хозяин. Имение его постепенно приходит в полный упадок, на барском дворе идет "ежедневная открытая гульба" (IY, 639). Сам же Иудушка совершенно дичает, опускается, погружается в мир праздномыслия, фантастических хищнических расчетов, в своего рода "запой праздномыслия" (IY, 640); он рвет все нити, связывающие его с реальной действительностью. Подобный "запой праздномыслия", стирающий грань между реальностью и диким бредом, между здоровым человеком и безумцем, — вообще типично-гоголевская черта. Она заметна в Степке-балбесе, в его стремлении уйти от постылой действительности в мир какой-то фантастической "особенной жизни, развивавшейся независимо от каких бы то ни было условий" (IY, 491). В разгоряченном водкой сознании другого брата, Павла, мелькают какие-то бредовые картины, в которых он одерживает верх над Иудушкой.

В мир мечты, "какой-нибудь волшебный мир, который за-
слонил бы собой и прошедшее, и настоящее", в мир "ангель-
чиков с серебряными крылышками" (IY, 67I) безуспешно пыта-
ется спрятаться Аннинька. Такое праздномыслие - одно из сви-
детельств вырождения, "выморочности" Головлевых. Особенно
характерно оно для Иудушки.

Знаменательно, что праздномыслие Иудушки связано с бо-
лезненной жадой стяжания, склонностью к тиранству, крово-
пийству, кляузе. В реальной жизни Иудушка не всегда мог
удовлетворить эту склонность. Он мучил слабых, беззащитных,
но и сам часто терпел неудачи. В фантастической действитель-
ности, созданной им, "уже не имелось места ни для отпора, ни
для оправдания"; Иудушка мог там "свободно опутывать целый
мир сетью кляуз, притеснений и обид" (IY, 64I). В пьяном
угаре фантастического вымысла он вспоминает все столкнове-
ния, которые, с самой далекой молодости, у него были с род-
ными, соседями, крестьянами, он видит себя победителем во
всех этих столкновениях, решает их в свою пользу, мстит
живым и мертвым. Он мечтает о бесчисленных штрафах за по-
рубки и потравы, о том, как обобрать мужика Фоку, ссудив
его рожью за ростовщические проценты и заставив сверх того
даром работать. И дело не только в том, что мечты Иудушки
имеют хищнический, "кровопийственный" характер, но и в том,
что хищничает он именно в мечтах, что у него своего рода
фантастический запой, "умственное распутство, экстаз" (IY,
642), свидетельствующие о полной деградации: "Фантазируя
таким образом, он незаметно доходил до опьянения; земля

исчезала у него из-под ног, за спиной словно вырастали крылья. Глаза блестели, губы тряслись и покрывались пеной, лицо бледнело и принимало угрожающее выражение<...> весь воздух кругом него населялся призраками, с которыми он вступал в воображаемую борьбу" (IV, 641). К запою умственному вскоре присоединяется запой обычный. Все более мерзким, уродливым, враждебным всему человеческому становится Иудушка. Все противнее и ненавистнее он окружающим. Все страшнее его одиночество. Предпоследняя глава книги называется "Выморочный". Выморочным считалось имущество умерших без наследников, поступающее в пользу государства. Таким "выморочным", одиноким, без близких людей, без наследников, осужденным на гибель оказывается в конце жизни Иудушка. Все хищничество, кровопийство его, все "умертвия", которые он совершил, оказываются бесцельными, бесполезными для самого Иудушки. Более того, каждое из таких "умертвий" усиливает его изоляцию, делает более одинокой и страшной его жизнь. "К чему привела вся его жизнь? Зачем он лгал, пустословил, притеснял, скопидомствовал? Даже с материальной точки зрения, с точки зрения "наследства" - кто воспользуется результатами этой жизни? кто?" (IV, 578). Особенно страшной становится жизнь Иудушки в конце, с пробуждением "одичалой совести". Перед смертью "ужасная правда" раскрывается Иудушке: он начинает ясно понимать, что виноват в бесчисленных "умертвиях", "увечиях", что все, прикасавшееся к нему, разлагалось, гибло бессмысленно, дико, впустую, и ничего нельзя уже изменить, "совесть проснулась, но бесплодно"(IV,678).

Она не просветляет последних дней Иудушки, ничего не искупает, а еще более обостряет предсмертные мучения, приводит к мысли о "саморазрушении", к желанию покончить с собой. Пробуждение совести – вовсе не реабилитация Иудушки, а расплата за все его "кровопийства".

В то же время тема "проснувшейся совести" отражает просветительское представление о том, что каждый человек по природе добр, что лишь условия жизни делают его дурным, что крупницы человечности сохраняются даже у самых плохих людей.

"Господа Головлевы" – роман социально-психологический. Шедрин почти не использует в нем приемов, характерных для сатирических произведений. Книга выдержана в серьезном и мрачном тоне. Мало места уделяется внешним описаниям. В центре внимания автора – раскрытие внутреннего мира героев. Шедрин проявляет здесь себя как замечательный мастер психологического анализа, по праву занявший место в ряду лучших художников-психологов. Вместо сатирического гротеска, столь свойственного ему, писатель обращается к точному, скрупулезно-тонкому исследованию самых тончайших оттенков внутреннего мира героев, особенно Иудушки. Со спокойствием постороннего наблюдателя, с кажущейся бесстрастностью Шедрин анатомирует этот внутренний мир во всех его деталях. В книге мало самохарактеристик героев, самораскрытия их. Психологизм "Господ Головлевых" связан с авторскими размышлениями о героях, с изображением их внутреннего мира, с раскрытием от лица писателя их мыслей, чувств. Присутствие автора все время ощущается в книге, что вообще характерно для Шедрина.

Рисуя внутренний мир семьи Головлевых, Шедрин обращает внимание на ее социальную типичность, социальную обусловленность психологии героев. Гончаров, в письме Салтыкову, высоко оценивая образ Иудушки, сообщал, что сам лично знал подобного помещика. Но для Гончарова такой тип людей — явление в какой-то степени исключительное, своеобразный характер, "натура" (см. М.Е.Салтыков-Шедрин в русской критике, М., 1959, стр.587). Гончаров восхищается правдивостью, мастерством психологического рисунка Шедрина. Для автора же "Господ Головлевых" — Иудушка прежде всего явление социально-типическое, раскрывающее разложение "семейного принципа", вырождение дворянства в рамках пореформенных отношений.

В какой-то степени образ Иудушки, как и многое другое у Шедрина, восходит к гоголевской традиции, к образу Плюшкина. Но Иудушка гораздо менее однолинеен, чем Плюшкин (тот скуп, и только). Он обрисован не извне, через видимую внешность, лежащую на поверхности, а изнутри, путем глубокого проникновения в каждую деталь его характера. Наконец, Иудушка, в отличие от Плюшкина, сознательно осмыслен с революционно-демократических позиций, как социально-психологический тип, раскрывающий несостоятельность принципов, на которых базируется существующий порядок.

"С О В Р Е М Е Н Н А Я   И Д И Л Л И Я"

С 1877 по 83 г. Шедрин с перерывами печатает в "Отечественных записках" "Современную идиллию", вышедшую отдельной книгой в 1883 г. Здесь он вновь обращается к теме

правительственной и общественной реакции. Резкость критики, острота проблем, затронутых в "Современной идиллии", вызвали недовольство цензуры": журнальный текст неоднократно подвергался запретам и искажениям, в связи с его публикацией "Отечественные записки" получили в январе 1833 г. второе предостережение. "Современная идиллия" – единственное, пожалуй, сатирическое произведение Шедрина, не связанное с принципом очерковой циклизации, имеющее четкий сюжет, которому подчинен весь материал, рассказывающее о приключениях вымышленных "героев", с завязкой и развязкой. Сам Шедрин обращал внимание на то, что "Современная идиллия" не "сборник": "Это вещь совершенно связная, проникнутая с начала до конца одною мыслию, которую проводят одни и те же "герои" <...> Вещь эта имеет начало и конец, и ежели заканчивается не совсем обычно вступлением на сцену Стыда, то, по моему мнению, право, это отнюдь не менее естественно, нежели разрешение посредством вступления в брак или монастырь" (У, 619). В "Современной идиллии", как и в других произведениях Шедрина, рассказчик, от лица которого ведется повествование, высказывает и мнения самого автора. Но автор и рассказчик здесь ни на минуту не сливаются, они четко отделены друг от друга. Прямого вмешательства автора в повествование в "Современной идиллии" вообще не заметно. Рассказчик же, глазами которого воспринимается действительность, – не просто наблюдатель, а именно "герой". Он обладает определенным характером, действует, с ним происходят приключения и т.п. Это – один из благонамеренных обывателей, стремящихся

приспособиться к реакции. По словам Шедрина, "герои рас- сказа - люди умеренно-либерального направления, о которых идет слух, будто они, сидя в квартирах, "распускают пре- вратные идеи" (...). Зная по опыту, с какой легкостью пустые слухи превращаются в мероприятия, наши герои, с целью смыть с себя "пятно", предпринимают целый ряд благонамеренных действий", "Герои эти, под влиянием шкурного сохранения, пришли к убеждению, что только уголовная неблагонадеж- ность может прикрыть и защитить человека от неблагонадеж- ности политической, и согласно с этим поступают" (У, 619).

"Современная идиллия" от начала до конца проникнута мыслью, столь дорогой для Шедрина, об ответственности каждого че- ловека за происходящее. Важна для писателя и проблема "го- товностей" обывателя, умеренного либерала. Идя по пути ренегатства, отказа от свободолюбивых традиций, трудно ос- тановиться: начав с малого, скатываешься все к большей подлости. Эта проблема затронута позднее в сказке "Либе- рал". Отмечается в книге и то, что властям уже недостаточ- но нейтралитета, что они требуют "воинственной благонаме- ренности"; всякий "образ мыслей", а не только оппозицион- ный, кажется им опасным; они могут оправдать любое уголов- ное преступление (раз ты преступник, значит - свой, при- надлежишь к одной шайке. Сама преступность - гарантия от "образа мыслей"), но никогда не примирится с независимостью мнений.

"Современная идиллия" выдержана в подчеркнуто-гротескных тонах, но эта гротескность отражает очень злободневные яв-

ления. Эволюция, проделанная "героями", их приключения совершенно невероятны и в то же время чрезвычайно жизненны и типичны. В "Современной идиллии" находит дальнейшее развитие тема Глупова, глуповцев, глуповского общества, где все интересы сводятся к "шкуре". Отказавшись от борьбы, вступив на путь обывательского "дрожания" за свою шкуру, "герои" оказываются вынужденными пройти этот путь до конца. Начинается эволюция "героев" отказом от рассуждений, от своего образа мыслей. "Герои" надеются, что нужно лишь какое-то время выждать, что можно будет отделаться сравнительно малой ценой. Книга открывается словами Молчалина: "Нужно, голубчик, погодить!" (У, 349). И рассказчик с Глумовым начинают "годить". Они отказываются от чтения, от всяких рассуждений, даже благонамеренных, "предаются исключительно еде, питью и телесным упражнениям" (У, 619). Все это, с точки зрения властей, действия похвальные, гарантирующие от "превратных мнений". Вначале "годить" кажется трудно. Рассказчику постоянно приходят на ум вопросы, которые не согласуются с "гожением" (почему одни выращивают зерно, выкармливают свиней, а булки, окорока едят другие? и т.п. У, 352, 353). Но вскоре рассказчик и Глумов вполне постигают науку "гожения".

24/ В "Современной идиллии", как и во многих других произведениях Педрина, действуют литературные персонажи, заимствованные у других писателей. Обращение к образам Грибоедова и Островского подчеркивает мысль о торжестве "шкурных" интересов, о запуганности, беспринципности, цинизме либеральных обывателей.

"Годить", оказывается, нужно не как-нибудь, а искренне, от всего сердца: "Выдержка нам нужна, воспитание <...> Мы на каждом шагу послабления себе делаем, - говорит Глумов. Прямо, на улице, пожалуй, не посмеем высказаться, а чуть зашли за угол - и распустили язык <...> А ты так умей овладеть, что ежели сказано тебе "погоди!", так ты годи везде, на всяком месте, да от всего сердца, да со всей готовностью..." (У,354).

Одна из характерных черт "науки гожения" - восхищение существующим. Можно хвалить и прошлое, "но с таким расчетом, чтобы восхищение прошлым не могло служить поводом для превратных толкований в смысле укора настоящему" (У,356). Еще лучше - восторгаться настоящим. А самое лучшее - молчать, не высказывать своих мыслей, вообще не иметь никаких мыслей. Автор говорит о мещанской морали, выведенной из басен Крылова, "который доказал, что разбойнику следует отдать предпочтение: перед сочинителем", "что во время еды не следует вести иных разговоров, кроме тех, которые <...> вытекают из самого процесса еды" (У,360). И "герои" следуют этой "морали". Они толкуют только об еде, перестают думать и постепенно убеждаются, что "годить" не так уж трудно. Более того, начав с желания "погодить", переждать трудное время, Глумов и рассказчик вскоре уже не "годили", а просто "превратились": "До такой степени "превратились", что думали только о том, на каком мы счету состоим в квартале" (У,366). Своим благонамеренным поведением "герои" добиваются "честь" приглашения в полицейский участок, "квар-

тал", на чашку чая. Там они блестяще выдерживают устроенное им испытание. Все вопросы (о бессмертии или смертности души, о реальном или классическом образовании и пр.) они готовы решать в зависимости от предписаний начальства: "Ежели предписания сии будут классические, то и исполнение должно быть классическое, а если предписания будут реальные, то и исполнение должно быть реальное" (У,368).

Однако, все это оказывается лишь первым этапом в эволюции "героев". Став на путь "гожения", они уже не могут остановиться, из области "благонамеренности выжидающей" переходят "в область благонамеренности воинствующей", "бессловесность" сменяется "сквернословием" (У,371). "Герои" перестают "годить", начинают действовать. Они хлопочут об устройстве брака любовницы купца Парамонова, которой покровительствует квартальный, подготавливают двоеженство Балалайкина, собираются "окрестить жида" (У,419), сочиняют проекты о раскрытых дверях квартир обывателей, чтобы начальство в любой момент могло устроить проверку, о запасных ключах от каждой двери, хранящихся в полицейском участке и т.п. Характерно, что в сфере "сквернословия", "благонамеренности воинствующей" разрешается и говорить, и действовать, и даже проекты сочинять. Это - единственная сфера, где говорить, действовать, "мыслить" не только не запрещается, но и поощряется начальством. В конце-концов Выжлятников, один из закоренелых "ташкентцев", предлагает "героям" поступить в "полицейские дипломаты", "собирать статистику", т.е. стать шпиками, осведомителями. Это - единственное средство быть для начальства вполне своим.

Но даже Глумову и рассказчику предложение Выжлятникова кажется неприемлимым. Они бегут, переезжают из города в город. Рассказывая об их бегстве, Шедрин рисует широкую картину провинциальной России. И везде "герои" наталкиваются на шпигов, везде их сопровождает внезапно появляющееся и исчезающее "гороховое пальто", "род мундира", который "присвоен собирателям статистики" (У, 498). Повсюду торжествует реакция. Героем современности, "властителем дум" оказывается "негодяй": "Породила его современная нравственная и умственная муть, воспитало, укрепило и окрылило - современное шкурное малодушие" (У, 524). Писатель отмечает, что в современной ему действительности "негодяйство" - "единственная почва, на которой человек может стоять твердо, на которой он может делать не мечтательное, а действительное дело" (У, 525). Шедрин зло высмеивает административные преобразования, проводимые правительством. Отношение к ним отразилось в "Сказке о ретивом начальнике", который зарубил себе на носу, что чем больше он вреда произведет, тем больше пользы из этого выйдет. Высшее начальство ему разъяснило, что в новые времена польза достигается иными путями и приказало сделать другую зарубку. Но та на носу полностью не поместилась, и какие новые пути достижения пользы, так и осталось неясным. К тому же ретивый начальник иногда "принимает одну зарубку за другую. Тогда выходит так: что ел, что кушал - все едино" (У, 520) ^{25/}.

25/ Шедрин использует здесь прием иронической конкретизации идиоматического оборота "зарубить на носу".

Нововведения не меняют сущности. Разницу между старыми и новыми порядками убедительно разъясняет урядник: "Ныне - разберут, а тогда - решат. Ныне без прав пропишут, а тогда - по правам прописывать станут" (У, 531).

С едким сарказмом описывает сатирик в сцене "Злополучный пескарь" "праведный суд" над пескарем, обвиненным в "составлении заговора", "в предумышленном сопротивлении надлежашей власти, выразившемся в неявке, по ее вызову, в уху" (У, 555). Нравственный разврат проникает и в литературу, журналистику. Он определяет облик "ассенизационно-любопытной" газеты "Краса Демидрона" (У, 398), ее редактора Гадюк-Очищенного. "Герои" и сами начали выпускать газету "Словесное удобрение", дошли до того, что "стали выбегать на улицу и суконными языками, облитыми змеиным ядом, изрыгали хулу и клевету" (У, 597).

Масса, толпа, обыватели оказываются также заражены ядом реакции. Они готовы видеть в каждом, задержанном властями, "бунтовщика", "потрясателя основ". Когда рассказчика и его спутников арестовывают, толпа рьяно поддерживает урядника, хочет судить "сицилистов" "народным судом, то есть утопить в пруде... Словом сказать, это была ликвидация интеллигенции в пользу здравого народного смысла..." (У, 533). Упомянутая сцена самым непосредственным образом перекликается с описанием "Торжествующей свиньи", с изображением глуповцев. Вновь затрагивается вопрос о качествах народа, которые превращают его в послушное орудие реакции (темнота, пассивность и т.п.). Кажется, что свободолюбивым силам в такой

обстановке абсолютно не на что опереться. Но Шедрин верит в будущее. Эта вера воплощена, в частности, в появлении аллегорической фигуры Стыда. Сатирик далек от самоуспокоения. Он не тешит себя оптимистическими иллюзиями, весьма скептически относится к разговорам о том, что Стыд "захватывает далеко", "воспитывает и побеждает". Шедрин вспоминает печальный опыт прошлого, "те изолированные призывы Стыда, которые, от времени до времени, прорывались среди масс Бесстыжества, а затем все-таки канули в вечность" (У, 599). Писатель не дает ответа на вопрос о перспективах будущего, не намечает каких-то положительных решений. И все же появление в конце книги Стыда весьма знаменательно. Шедрин верит в очищающее воздействие Стыда. Стыд позволяет надеяться на пробуждение человеческого, на победу над Бесстыжеством.

" С К А З К И "

Важное место в наследии Шедрина занимают "Сказки". Первые из них написаны в 1869 г. ("Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил", "Пропала совесть", "Дикий помещик"). Писатель возвращается к сказкам в 1880-86 гг., публикуя их в журналах, в первую очередь, в "Отечественных записках". В октябре 1886 г. вышло первое отдельное издание "Сказок" Шедрина (23 сказки). Полный свод шедринских "Сказок" (32 сказки) опубликован уже после революции, в 1927 г. "Сказки" - в какой-то степени итог всего творчества сатирика. В них затрагиваются и как бы обобщаются многие

темы, к которым неоднократно обращался Шедрин в более ранних произведениях. Одна из них – взаимоотношения правящих классов и народа. Писатель говорит о паразитизме правящих классов, полной неприспособленности их к любому полезному делу. Только появление мужика спасает от голодной смерти генералов, попавших на необитаемый остров ("Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил"). Без мужиков помещик со всем теряет человеческое подобие, превращается в зверя ("Дикий барин"). Трудом "коняги" (трудовое крестьянство) живут "пустоплясы", паразитические классы ("Коняга"). О тяжелой "мужицкой жизни" (VI, 150–51) говорится в сказке "Здравомысленный зяец" и т.п. Шедрин отрицает всю систему отношений царской России. В сказке "Богатырь" показана гнилость и мертвенность начал самодержавия, которые всячески славословили официальные "патриоты" в связи с празднованием "тысячелетия России"^{26/}. Едкой иронией проникнута сказка "Орел-меценат". Шедрин высмеивает панегирики, которые обычно поэты адресуют царям птиц, рассказы об их великодушии. Писатель приходит к выводу, что на самом деле орлы "хищны, плотоядны" и при появлении их все трепещут от страха, а вовсе не от восхищения (VI, 70). Рассказав о попытках орла меценатствовать, о несостоятельности подобных попыток, сатирик многозначительно замечает: "То ли<...>про-

---

26/ В воспоминаниях Н.А.Белоголового говорится, что по первоначальному замыслу сказка "Богатырь" должна была символизировать скованность могучих сил народа, ... В воспоминаниях..., стр.818.

свещению для орлов вредно, или то, что орлы для просвещения вредны, или, наконец, и то и другое вместе" (VI, 76). Да и само "просвещение", которому орлы покровительствуют, весьма ничтожно: фельетонист снегирь доказывает, что холопское житье лучше барского, историк дятел выводит генеологию орла от солнца и даже соловей пытается петь о великодушии орлов, "которые холопам на водку не жалеючи дают" (VI, 63).

Основы самодержавного правления резко отрицаются и в сказке "Медведь на воеводстве". Уже начало ее, вступление к конкретному рассказу о действиях Топтыгиных, раскрывает отношение писателя к так называемым "великим" делам правителей: "Злодейства крупные и серьезные нередко именуются блестящими и, в качестве таковых, заносятся на скрижали Истории" (VI, 49). Все Топтыгины творят зло. Лишь в лучшем случае (История Топтыгина 3-го) они решают не совершать особых великих и малых "злодейств", довольствуются "злодействами натуральными", оставляя все идти своим чередом, следовать установленному "порядку", согласно которому "волки с зайцев шкуру дерут, а коршуны и совы ворон оципывают" (VI, 56). Вопрос о "злодействах натуральных", о невозможности примирения интересов хищников и их жертв затронут в сказке "Бедный волк". Может показаться, что писатель жалеет волка. К такому выводу подводит и название сказки, и рассуждения о том, что волк не виноват в своем хищничестве, что он не может жить иначе: "А чем он виноват, коли иначе ему прожить на свете нельзя?" (VI, 38). Подобные утверждения встречаются и в других сказках Шедрина. Так, в

сказке "Орел-меценат", отмечая хищность и жестокость орлов, писатель добавляет: "Они<...>имеют в свое оправдание, что сама природа устроила их исключительно антивегетарианцами" (УІ, 70). На самом деле такого рода рассуждения ведут вовсе не к оправданию хищника. Вывод из них совсем иной: природы волка не переделать, даже самый добрый волк не может не разбойничать; какими бы "натуральными" причинами не объяснялся этот разбой, вред от него огромный; дело не в том, что волк злой, а в том, что он волк; остается лишь один выход - убить разбойника. Описанием расправы над волком заканчивается сказка "Бедный волк". Об убийстве Топтыгиных говорится в сказке "Медведь на воеводстве". Иного пути освобождения от хищников, по Шедрину, нет.

Как символ мертвого, механического мира, попирающего все человеческое, возникает кукольное царство в сказке "Игрушечного дела людишки". Это - самая большая и одна из наиболее острых сказок Шедрина. Продолжая традиции "Истории одного города", сатирик описывает город Любезнов и его правителей. Первый из них "дал городу раны, второй - скорпионы, третий - согнул в бараний рог, а четвертый познакомил с ежевыми рукавицами" (УІ, 88). Между жителями Любезнова и деревянными куклами, в сущности, нет никакой разницы: "Все мы здесь на равных правах состоим, точно веревка сквозь продернута" (УІ, 92). Перед читателем возникает страшный мир, в котором отсутствуют люди. Куклы, деревянные и живые, не знают ни огорчения, ни боли. Они не могут понять человеческих чувств, ощутить жалость.

Слово "добродетель" им незнакомо. Деревянная кукла оказывается в какой-то степени даже лучше, чем живая: ее хоть угомонить можно. "А живую куклу как ты угомонишь? Она сама тебя изведет..." (УІ, 95). Шедрин рисует ряд сцен, в которых кукла проявляет свое самодурство, издевается над людьми. Писатель приходит к грустным раздумьям о том, что спектакли, разыгрываемые деревянными куклами, лишь бледное отражение действительности: "Может быть, в тех бесчисленных принудительных сферах, которые со всех сторон сторажат человека, совсем не в редкость те потрясающие "кукольные комедии", в которых живая кукла попирает своей пятой живого человека?" (УІ, 110). Проблема "механического" мира, "живых кукол" вообще характерна для творчества Шедрина. Она затронута уже весьма отчетливо в "Истории одного города" (напр., в главе "Органчик"). В сказке "Игрушечного дела людшки" проблема "механического" поставлена в наиболее концентрированном виде ^{27/}.

Писатель создает целую галерею образов защитников существующего порядка. Здесь и "Верный трезор" — "благонамеренный" пес, готовый перегрызть горло любому за имущество своего хозяина, и прокурор "Недреманное око", который, вместо преследования грабителей и лихоимцев, защищает их, направляя всю свою ярость против обличителей общественных зол, "крикунишек", готовых подорвать "союзы" собственности, семьи, государства, "ежели им своевременно уста не

27/ С традициями сатиры Шедрина, с изображением им "механического" начала, видимо, связаны образы "механических граждан" у Горького.

замазать" (VI, 131), и др. Тщетными оказываются попытки добиться правды ("Ворон-челобитчик"): у каждого начальника имеется своя "правда" и каждая из них враждебна интересам народа. Не случайно "вольнодумствующий" губернатор из сказки "Праздничный разговор" приходит к выводу, что чиновники ни для чего не нужны, что они лишь приносят вред, получая за это жалованье. Неоднократно в сказках Шедрина затрагивается вопрос о пропавшей совести, об исчезнувшей правде, спрятанной от народа ("Пропада совесть", "Рождественская сказка", "Путем дорогой" и др.). Один из героев сказки "Путем дорогой", Иван, глядя вокруг, говорит своему спутнику: "Смотри, Федя<...>во все стороны сколько простору! Всем место есть, а нам..." (VI, 186. Многоточие Шедрина). Подобные мотивы ведут в какой-то степени к проблематике таких чеховских произведений, как "Счастье", "Степь".

Обстановка торжествующей реакции, когда "гиенское" готово весь мир заполнить<...>и вот-вот задушит все живое" (VI, 191), отражена в сказке "Гиена". Об этой же удушающей атмосфере говорится в "Приключении с Крамольниковым". Сказка имеет автобиографический характер. Она — отклик на запрещение правительством в 1884 г. журнала "Отечественные записки", который редактировал Шедрин. В сказке ощущаются грустные раздумья писателя, которому, в связи с мрачными событиями, показалось, что его труд бесполезен, что он потерял общение со своим читателем и окружен читателями-врагами, что все, против чего он боролся, неизбежно стоит на месте. "Какая может быть речь о совести, когда все кругом

изменяет, предательствует?" - с горечью замечает Шедрин. Вчерашние знакомые, "недавние друзья" спешат отмежеваться от опального литератора Крамольникова. И в этом, по мысли автора, сказывается "не одно личное предательство, а целый подавляющий порядок вещей"; предают "не только страха ради иудейска, но потому, что их придавило" (УІ, 198). В сказках возникает ряд образов, раскрывающих капитуляцию обывателей перед реакцией, готовность их смириться, отказаться от всякой борьбы, осудить всякий протест ("Премудрый пескарь", который "жил-дрожал, и умирал - дрожал" - ЗІ, "Вяленая вобла" с ее моралью: "Уши выше лба не растут" - 64, "Самоотверженный заяц", "Здравомысленный заяц" и др.). Сатирик едко характеризует эволюцию русского либерализма, начинающего с лозунга "по возможности", затем выпрашивающего у властей "хоть что-нибудь" и заканчивающего "применительно к подлости" ("Либерал"). Он показывает разврат, оподление, опощление общества, разложение всех основ ("Чижигово горе", "Добродетели и пороки", "Пропала совесть" и др.).

В то же время, говоря о разгуле реакции, о ее влиянии, которое сказывается в облике общества, о пассивности и темноте народа, писатель продолжает верить в лучшие времена. Он надеется, что "явится свет, которого не победит тьма" (УІ, 202) ^{28/}, что придет время, когда "рассеются

28/ Сравн. со статьей В.Г.Белинского "Руководство к всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца", в которой отчетливо сказалось воздействие идей утопического социализма: "свет победит тьму, разум победит предрассудки (...)>будет новая земля и новое небо" (В.Г.Белинский, Полн. собр. соч., т.УІ, М., 1955, стр.96).

как дым и все мелкие "личные правды". Объявится настоящая, единая и для всех обязательная Правда; придет и весь мир осияет. И будем мы жить все вкупе и влюбсе" (УІ,2І2). По мнению Шедрина, совесть пропала не навеки; она хранится в сердцах детей, людей чистых, лишенных "подлых мыслей" ("Пропала совесть", "Рождественская сказка", "Христова ночь", "Дурак"): "Растет маленькое дитя, а вместе с ним растет в нем и совесть. И будет маленькое дитя большим человеком, и будет в нем большая совесть. И исчезнут тогда все неправды, коварства, насилия..." (УІ,2І). Даже самые забитые, приученные к покорности, могут ощутить влияние честного, свободного начала ("Баран-непомнящий"). Шедрин уверен, что как бы ни была темна ночь, как бы ни казалась вечна и крепка реакция, "человеческое" всегда и неизбежно должно восторжествовать над "гиенским" <...> "человеческое" никогда окончательно не погибало, но и под пеплом, которым временно засыпало его "гиенское", продолжало гореть" (УІ,І9І). И долг писателя Шедрин видит в пробуждении веры в победу "человеческого", надежды, что "свет придет и мрак его не обнимет"(УІ,І95). Подобного рода раздумья в "Сказках" ощущаются особенно отчетливо. Они связаны, видимо, с идеями утопического социализма.

Шедринские "Сказки" во многом продолжают традицию народной сатиры, сказок о животных. Этой традицией определяется ряд персонажей Шедрина, их обрисовка (волк, медведь, заяц, орел и др.). Но "Сказки" — отнюдь не литературная обработка фольклорных мотивов. Не случайно сатирик

создает образы, которые не встречаются в народных сказках (вяленая вобла), невозможны для них (Крамольников, либерал). "Сказочность" сочетается у Шедрина с подчеркнутой злободневностью, с конкретными деталями общественной жизни России второй половины XIX в.; гротескная фантастика переплетена с намеками на современные события, знакомые читателю. Так, в "Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил" описывается сказочный остров, мужик там в пригоршне суп варит, сказка начинается и заканчивается фольклорными формулами: "жили да были", "того ни в сказке сказать, ни пером описать", "мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало" (VI, 7, 12). В то же время в ней упоминается о Подъяческой, реальной петербургской улице, о Екатерининском канале, о "Московских ведомостях", реакционной газете Каткова, хорошо всем известной. Дикая помещик живет "в некотором царстве, в некотором государстве" и в то же время читает газету "Весть"; крайне консервативное издание, выходившее в 1863-70 гг. в Петербурге (VI, 22). "Премудрому пескарю" снится сон, будто он двести тысяч по выигрышному билету выиграл (VI, 30). У Топтыгина I-го ("Медведь на воеводстве") дети ходят в гимназию, а сам он разоряет типографии, ищет "корни и нити" революционного движения, должен усмирять "внутренних врагов". Самоотверженный заяц считает свою беду незаслуженной, так как он "революций не пушал, с оружием в руках не выходил" (VI, 34). Такое сочетание разнопланового материала, фольклорного и подчеркнуто современного усиливает сатирический эффект, придает

особый оттенок той злободневности, которая почти всегда ощущается в произведениях Шедрина. Важную роль в "Сказках" играют и авторские рассуждения, обращения к читателю. Далеко не все выдержано здесь в сатирическом плане. Часто рассказ ведется в грустной, даже в мрачной тональности, отражает самые задушевные раздумья автора.

"М Е Л О Ч И   Ж И З Н И"

Один из самых последних циклов Шедрина — "Мелочи жизни". Цикл напечатан в 1886–87 гг. Отдельное издание вышло в 1887 г. "Мелочи жизни" отражают отнюдь не веселые размышления писателя, вызванные и состоянием здоровья, и травлей его реакционными журналистами, и, в первую очередь, общественной атмосферой второй половины 80-х гг. Сатирик рассматривает разные сферы деятельности, различные группы людей. Рассказы цикла объединяются в рубрики, посвященные какой-то одной сфере ("На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений", "Молодые люди", "Девушки"). Часто речь идет не о воссоздании индивидуального своеобразия, а об обрисовке типа. Это отражается и в названии многих рассказов ("Помещик", "Мироеды", "Читатель-ненавистник", "Газетчик", "Адвокат"). В любой сфере писатель видит "безрассветную жизнь", всю "поглощенную мелочами" (У1, 238). Шедрин вспоминает о дореформенной России, об ужасах крепостного права. Но отмена его не улучшила положения народа: "Период помещичьего закрепощения канул в вечность, наступил период закрепощения чумазов-

ского <...> Ужели бессрочно?" (УІ, 248). "Мелочи жизни", по мысли писателя, заполнили всё. Со стороны можно пренебрежительно относиться к ним. Но как невыносимо, когда вся жизнь состоит из таких "мелочей", когда, кроме них, ничего не остается. Отсутствие подлинных, больших убеждений, верований, задач, целей, интересов – вот, по мысли Шедрина, характерная черта времени. В сфере "мелочей" барахтается и "хозяйственный мужичок", крестьянин-середняк, бьющийся изо всех сил, чтобы обеспечить себе благосостояние, и мелкий сельский священник, и разоряющийся помещик, вынужденный довольствоваться мелкими "барышками" за потравы, порубки и т.п. Не выходят из сферы "мелочей" и новые хозяева деревни – мироеды. Ведь и они, в сущности, "колотятся около крох" (УІ, 291). В сфере "мелочей" течет жизнь и так называемых "молодых людей", Сережи Росточкина с его либерально-возвышенными речами, считающегося реформатором, а на самом деле болтуна и шалопаю, прикрывающего свое примирение с действительностью словами о необходимости выждать благоприятный момент. Среди "мелочей" живет и "ангелочек" Верочка, пустая и бездушная, мечтающая о нарядах, и реакционный циничный газетчик Иван Непомнящий, и либеральный журналист Ахбедный, и адвокат Перебоев, готовый за деньги оправдать любое преступление (прототипы Ивана Непомнящего и Ахбедного – издатели газет, реакционной – "Новое время" – А.С.Суворин и либеральной – "Санкт-Петербургские ведомости" – В.Ф.Корш). "Всех одинаково обступили мелочи <...> именно мелочи, на общепринятом

языке, и называются "делом", - с горечью замечает Шедрин.

В ряде рассказов речь идет о разного типа читателях. Шедрин говорит о "читателях-ненавистниках", враждебных всему честному, свободному. Рассказывает сатирик и о "солидном читателе", постепенно переходящем в лагерь ненавистничества. Не слишком отличается от них и "читатель-простец", привыкший к вечной муштровке, страху, повинности; он вечно колеблется, подвержен влиянию не убеждений, а "внешних давлений" (УГ, 349), считает, что размышления - излишняя роскошь, что все равно "плетью обуха не перешибешь" (УГ, 348). Все эти люди живут в сфере "мелочей", даже того не замечая.

"Мелочи жизни" далеко не всегда безобидны. Многим приходится страдать, гибнуть под давлением таких "мелочей". Не вынеся тяжелой жизни, умирает Черезов, а его жена вынуждена работать до полного изнурения, как на каторге. Гибнет студент Николай Чудинов, в голову которого пришла "гнилая фантазия": он хочет учиться в университете. Трагически складывается судьба сельской учительницы Губиной, затравленной, обесцеленной, доведенной до самоубийства: "Жизнь ее порвалась, почти не начавшись. Порвалась бессмысленно, незаслуженно и жестоко" (УГ, 387). Грустным размышлениям предается Имярек, образ во многом автобиографический, подводя итоги своего жизненного пути. Он видит, что самые прекрасные слова (свобода, развитие, справедливость и др.) остаются пустыми словами, что самые замечательные изобретения ума человеческого обращаются "политиканством" во зло.

С грустью отмечает писатель терпение, покорность народных масс, привыкших жить под ярмом. Не верит Шедрин в благотворную роль общины, идеализируемой народниками: она "не только не защищает деревенского мужика от внешних и внутренних неурядиц, но сковывает его по рукам и ногам." (VI, 239).

Писатель вновь останавливается на проблеме капиталистического хищничества. Он приводит ряд фактов, свидетельствующих о пагубном воздействии капитализма на все сферы жизни, о всеобщем обнищании страны, сопровождаемом невиданным обогащением небольшой кучки хищников: "идет чумазый, идет! <...> и даже уже пришел! идет с фальшивой меркою, с фальшивым аршином и с неутомимой алчностью глотать, глотать, глотать" (VI, 228); "Нет опаснее человека, которому чуждо человеческое, который равнодушен к судьбам родной страны, к судьбам ближнего, ко всему, кроме судеб пущенного им в оборот алтына. Таков современный чумазый" (VI, 247-48). Его "торжество" и в Европе, и в России приводит еще к большему засилию "мелочей", делает жизнь совершенно невыносимой. "Чумазый", по мысли Шедрина, не легко сдаст свои позиции, будет упорно "держаться за свое торжество" (VI, 247). Но писатель верит, что "царство чумазого" не бессрочно, что человечество, рано или поздно, освободится от "мелочей". Он не разделяет надежд на возможность решить вопрос путем компромиссов, как это пытаются сделать в Европе. Все большее значение придает сатирик социальным, а не политическим проблемам. Политические новшества,

по Шедрину, "только скользят по поверхности, перемещая центр власти из одних рук в другие". Такие новшества не меняют ни одной черты в быте, в благосостоянии масс. Народ относится к ним равнодушно. Иную роль играют новшества социальные, связанные с правом "масс на участие в благах жизни" (VI, 254). Они, "ежели и не влекут за собой прямого освобождения масс <...> то представляют собой непрерывную подготовку к такому освобождению" (VI, 255).

Писатель уверен, что новая жизнь может быть построена только на основаниях, коренным образом отличающихся от старых. Он присоединяется в этом вопросе к точке зрения утопических социалистов, продолжая не принимать их "регламентации подробностей" (VI, 251-52). Шедрин приходит к выводу, что "надежда на внешнюю помощь, в смысле удавления терзающих мелочей, навсегда останется тщетною" (VI, 251), что "мелочи" "будут управлять миром до тех пор, пока человеческое сознание не вступит в свои права..." (VI, 247). Освободить человечество от "мелочей" может лишь "коренное преобразование жизненных форм", "подъем уровня общественного сознания", "материальное преуспеяние" (VI, 251).

Большое значение имеет и уничтожение разного рода "призраков", искажающих верное представление об окружающем. Важным залогом успешной борьбы с "мелочами жизни" писатель считает свободу обсуждения: "человечество бессрочно будет томиться под игом мелочей, ежели заблаговременно не получит полной свободы в обсуждении идеалов будущего" (VI, 253). В ходе такого обсуждения возможны и ошибочные выводы,

но они, по мысли Шедрина, — неизмеримо меньшее зло, чем отсутствие свободы слова и мысли: "при открытом обсуждении не только ошибки, но и самые нелепости легко устраняются при помощи полемики" (УГ, 254). Вынужденный действовать в окружении читателей-врагов, сатирик верит, что существует читатель-друг; Шедрин стремится к установлению общения с этим читателем, хотя и понимает, что современная обстановка подобному общению не благоприятствует. Последние страницы цикла выдержаны в грустной тональности. Имярек чувствует себя больным, старым, слабым, одиноким. Его мысли не находят отклика, будущее не радует. Но это отнюдь не означает, что Шедрин начал сомневаться в конечно! победе "человеческого". Он продолжает верить в нее, в торжество разума, света: "Имена Ньютонов, Франклинов, Галилеев, Ломоносовых будут переходить из века в век; имена Наполеонов и других концертантов потонут в болотных топях. Таков закон вещей, и никакое насилие не может его обойти. Не обойдет его и история" (УГ, 231).

Цикл "Мелочи жизни" состоит из отдельных зарисовок, характеризующих общественную атмосферу, и серьезных авторских раздумий над особенностями эпохи. Прямая сатира встречается в нем сравнительно редко. В книге много психологизма. В ней раскрывается внутренний мир не только "героев", но и, в первую очередь, самого автора. В рассказе о событиях, о людях все время ощущается авторское присутствие: писатель непрерывно комментирует происходящее, сопровождая его своими размышлениями. Начало цикла ("Введение") и его

конец ("Имярек") образуют как бы своеобразное обрамление. Здесь высказываются общие теоретические положения, которые сперва вводят в цикл, а затем подытоживают его; сами же очерки, составляющие "Мелочи жизни", иллюстрируют эти общие положения.

"ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Последнее произведение Щедрина — "Пошехонская старина". Она печаталась в "Вестнике Европы" в 1887—89 гг. и при жизни автора отдельным изданием не выходила. "Пошехонская старина" во многом автобиографична, в ней отражены детские впечатления писателя. Но значение ее выходит за рамки автобиографии. Уже с первых строк "Пошехонской старины" Щедрин просит не смешивать его "с личностью Затрапезного, от имени которого ведется рассказ" (УП, 7). В книге говорится о довольно далеком прошлом, о крепостном праве. Но обращение к прошлому определяется проблемами второй половины 80-х гг., "ибо хотя старая злоба дня и исчезла, но <...> издыхая, она отравила своим ядом новую злобу дня <...> несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их еще остается нетронутой" (УП, 9), многое в прошлом "далеко не поросло быльем, а продолжает и доднесь тяготеть над жизнью" (УП, 32). С этой точки зрения рисует Щедрин картину крепостнической

действительности, "доброго старого времени" (УП, 8), которое может объяснить многое в современности. Одна из важнейших мыслей "Пошехонской старины" — мысль о том, как прошлое определяет современное, помогает понять его. Писатель поэтому вовсе не стремится к хронологическому изложению, нарочито нарушает последовательность событий, ведет рассказ то в первом, то в третьем лице. Ему важны не факты жизни Никанора Затрапезного, а преломление в этих фактах общих закономерностей, определяющих во многом и сегодняшний день. Повествование выдержано в мрачной тональности. Щедрин, как и в "Господах Головлевых", подчеркнуто противопоставляет свою книгу "семейным хроникам", в той или иной степени идеализировавшим действительность. Он стремится снять романтический ореол с "дворянских гнезд". Все описания, начиная с пейзажей, с обрисовки помещичьих усадеб, подчинены этой задаче (см., напр., УП, II). Никанор Затрапезный упоминает о впечатлении, которое произвела на него книга С.Т. Аксакова "Детские годы Багрова-внука". "Бывают счастливые дети..." — замечает Затрапезный, показывая как непохож "ад" пошехонского детства на судьбу подобных счастливых: "все кругом нас было темно и безмолвно" (УП, 32). Большинство рассказов раскрывают "каторгу" крепостного времени, жадность, скупость, физическое вырождение, нравственную искалеченность, жестокость, истязания. Коверкаются человеческие судьбы, коверкаются души. Бесчеловечность стала привычной, ее не замечают. Она проявляется не только в отношении помещиков к крепостным, но и к своим детям ("Тетенька Анфиса Петровна").

Много места занимает в книге тема трагической судьбы Крестьян. Шедрин дает и общий обзор их положения ("Крепостная масса"), и ряд конкретных зарисовок ("Мавруша-Новоторка", "Ванька-Каин", "Бесчастливая Матренка" и др.): "Все было проклято в этой среде, все ходило ощупью в мраке безнадежности и отчаянья, который окутывал ее. Одни были развращены до мозга костей, другие придавлены до потери человеческого образа. Только бессознательность и помогала жить в таком чаду" (УП, 275). По мнению сатирика, любой мало-мальски честный писатель, правдиво отражавший крепостническую действительность, должен был прийти к аналогичным выводам. К таким выводам, по Шедрину, пришел в "Семейной хронике" С.Т.Аксаков, "несмотря на слегка идиллический оттенок" его произведения (УП, 304). Крепостничество калечит рабов, калечит и их хозяев - вот итог, к которому подводит "Помехонская старина". Оно - "смесь алчности, лжи, произвола и бессмысленной жестокости, с одной стороны, и придавленности, доведенной до поругания человеческого образа, - с другой" (УП, 54). Писатель почти не обращается к приемам сатиры, фантастического гротеска. Он раскрывает причины поведения того или иного персонажа, знакомит со своими собственными раздумьями, проявляя замечательное мастерство социально-психологического анализа. В спокойном, как будто бесстрастном тоне ведется повествование. Но за кажущейся бесстрастностью скрывается суровое, бескомпромиссное отрицание не только крепостнического уклада, но и всего того, что связано с ним, что не исчезло с отменой крепостного права, про-

должает "тяготеть над жизнью". Спокойный, объективный тон только усиливает это отрицание.

Последние дни своей жизни, только что окончив "Пощехонскую старину", Шедрин мечтал о новой большой работе, которая должна была называться "Забутые слова". "Были, знаете, слова, — говорил он К.Н. Михайловскому незадолго до смерти, — ну, совесть, отечество, человечество... другие там еще... А теперь потрудитесь — ка их поискать! Надо же напомнить..." (... в воспоминаниях, стр. 313). В марте или апреле 1889 г. Шедрин начал писать "Забутые слова", но смерть прервала работу на первой странице. Он умер, мечтая возродить к жизни дорогие ему слова, понятия, которые эти слова обозначают. До последней минуты, несмотря на горечь многочисленных разочарований, он продолжал верить в совесть, любовь к родине, человечность. Вскоре после смерти Шедрина его жена получила письмо от группы тифлиских рабочих. В нем выражалась скорбь по поводу гибели писателя — "человека с благородной любящей душой, друга угнетенных, борца за свободу" (У1, 499). Среди откликов, адресованных Шедрину в последние годы его жизни читателями-друзьями, имеется и письмо дерптских (тартуских) студентов. Его подписало около ста человек. Письмо было отправлено весной 1888 г., в связи с 40-летием литературной деятельности Шедрина. "Вы, неизменный и несокрушимый борец за человеческие права и свободу", — писали тартуские студенты. "Мы приветствуем Вас теперь, как испытанного, закаленного вождя, как свою несокрушимую твердыню, вокруг

которой возможно собраться дружной толпой и устоять в борьбе" 29/.

29/ См. "Литер.наслед.", № 13 -14, М. 1934, стр.432.
Об откликах в эстонской печати 1880-х гг. на творчество Шедрина, о переводах его произведений на эстонский язык см. статью С.Г.Исакова и М.Е.Алехиной "Русская литература в Эстонии в 1880-е гг.", Учен.зап. ТГУ, вып.139, Тарту, 1963, стр.150.

СПИСОК ПОСОБИЙ,

рекомендуемых при изучении творчества М.Е.Салтыкова-Шедрина

- 1) М.Е.Салтыков-Шедрин в воспоминаниях современников, ГИХЛ, 1957, 880 стр.
- 2) М.Е.Салтыков-Шедрин в русской критике, М., 1959, 640 стр.
- 3) Бушмин А.С., Сатира Салтыкова-Шедрина, М.-Л., 1959, 644 стр. Сказки Салтыкова-Шедрина, М.-Л., 1960, 231 стр.
- 4) Борщевский С. Шедрин и Достоевский, М., 1956, 392 стр.
- 5) Горячкина М.С. М.Е.Салтыков-Шедрин. Пособие для учителей средней школы, М., 1952, 200 стр. Сатира Салтыкова-Шедрина, М., 1965, 236 стр.
- 6) Григорьян К.Н. Роман М.Е.Салтыкова-Шедрина "Господа Головлевы", М.-Л., 1962, 116 стр.
- 7) Золотницкий Д. Шедрин - драматург, М.-Л., 1961, 212 стр.
- 8) Кирпотин В.Я. Михаил Евграфович Салтыков-Шедрин. Жизнь и творчество, М., 1955, 722 стр.

9) М а к а ш и н С. Салтыков-Щедрин. Биография. Т. I,

1951, 588 стр.

10) О л ь м и н с к и й М. Статьи о Салтыкове-Щедрине, М

1959, 120 стр. Щедринский словарь, М., 1937,
760 стр.

11) П о к у с а е в Е.И. Салтыков-Щедрин в шестидесятые

годы, Саратов, 1957, 271 стр. Революцион-
ная сатира Салтыкова-Щедрина, М., 1963,
470 стр. Салтыков-Щедрин (Очерк творчест-
ва). В кн. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр.соч.,
т. I, М., 1965.

12) Т у р к о в А. Салтыков-Щедрин, М., 1965 (Жизнь заме-
чательных людей), 368 стр.

13) Э л ь с б е р г Я. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчест-
во, М., 1953, стр. 630.

Справочно-библиографическая литература

14) Д о б р о в о л ь с к и й Л.М., Л а в р о в В.М. Биб-
лиография М.Е.Салтыкова-Щедрина, т. I, Л.,
1949, 186 стр.

15) Д о б р о в о л ь с к и й Л.М. Библиография литературы
о М.Е.Салтыкове-Щедрине (1848 - 1917),
М.-Л., 1961, 432 стр.

16) Библиография литературы о М.Е.Салтыкове-Щедрине.

1918 - 1965. Составил В.Н. Баскаков,
М.-Л., 1966, 292 стр.

В 1965 г. начало выходить 20-томное собр.соч. М.Е.Салты-
кова-Щедрина (см. о нем "Литер.газету",
1965, № 7, 16 января).

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Начало творческого пути. Первые повести	5
"Губернские очерки"	15
Творчество Щедрина конца 1850 – начала 1860-х гг.	30
"Помпадурсы и помпадурши"	35
"История одного города"	45
"Господа ташкентцы"	55
"Дневник провинциала в Петербурге"	61
"Благонамеренные речи"	65
"Убежище Монрепо"	71
"За рубежом"	76
"Круглый год"	93
"Господа Головлевы"	99
"Современная идиллия"	110
"Сказки"	118
"Мелочи жизни"	127
"Пошехонская старина". Заключение	133
Список пособий, рекомендуемых при изучении творчества М.Е.Салтыкова-Щедрина	138

Тартуский государственный университет
ЭССР, г.Тарту, ул. Кликкооли, 18

П. Рейфман

М.Е.САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
Творческий путь

На русском языке

Ответственный редактор В.Лотман

Ротап rint ТГУ 1967. Печ. л. 8,88 (условных 8,08).
Учетн.-издат. л. 6,5. Тираж 500 экз. Бумага 30x42.
I/4. Сдано в печать 28/IV 1967 г. МВ 02999.

Заказ № 262.

Цена 18 коп.

Цена 18 коп.

XV

1A-52

629584

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00629584 6